

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН

ЗЛАТОУСТ

3

P2
T-80

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН ЗЛАТОУСТ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

074475

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1971

P2
1'80

Предисловие
НИКОЛАЯ БАННИКОВА

Художник
М. ПЛОСВЕРГ

74-2

83 70

У ЗАПОВЕДНЫХ ИСТОКОВ

Стихами Николая Тряпкина нельзя не любоваться — такой в них чистый и напевный голос, такое светлое узорочье словаря, такая слаженность и особая, лебединая стать.

Печатается Николай Тряпкин уже давно, его хорошо знают наши литературно-художественные журналы, мерной чередой выходят его книжки, а постоянной — глубокой и всесторонней — оценки в критике до сих пор он не получил.

Между тем и литературная судьба Николая Тряпкина, и весь его творческий облик достойны самого пристального внимания.

Подобно целой группе современных советских поэтов, заявивших о себе в первые послевоенные годы, таких, как Виктор Боков, Владимир Солоухин, Владимир Цыбин, — Николай Тряпкин выходец из деревни. С деревней связано все его детство и юность, да и зрелые годы; деревня дала ему поэтический «материал», определила его художественное зрение, вкусы и пристрастия.

Сразу же уточним: это деревня верхневолжская и северная — хранительница идущих от седой старины говоров, песен и сказок, обрядов и обычаев.

Николай Тряпкин родился в Тверской губернии, в Старинском уезде, в 1918 году. К лугам и пашням родной его деревни Саблина, состоявшей в ту пору из шестидесяти дворов, вплотную подступали белоствольные березовые рощи, заросли лозняка и чуть в стороне начиналось глухое красное село. Мальчика учили уму-разуму земледельцы и плотники, по утрам на улице звучал пастуший рожок, в праздники сельчане шумно веселились и были щедры на всякие затейливые шутки. Иван Филиппович Тряпкин, отец поэта, воевал на фронте в империалистическую войну, был красным командиром на гражданской, возвратясь в Саблино, хозяйствовал, ходил по весне в отход, потом стал совхозным столяром. В мальчишескую

память Николая крепко врезалась в его дядя, и тетки, и в особенности деды.

Дед со стороны матери слыл мудрецом, философом, был масте-ром на все руки. Делал даже скринки и играл на них. В пожилых уже годах ходил в Святую землю, но удивительно быстро возвра-тился. Характером был задирист. Дед по отцу, у которого Николай жил неделями, напротив, был благостен, ласков, даже сентимента-лен. Истый землепашец, внуку он теперь кажется былинным Мику-лой. Впечатления от той поры, когда деревня создавала колхозы, не изгладился из памяти Николая Тряпкина: отзвуки сельских сходок, фыркание и лязг первого в деревне трактора поныне звучат в его стихах.

Двадцати с лишним лет, в 1939 году, Николай Тряпкин, окон-чив десятилетку, поехал учиться в Москву. Поступил в Историко-архивный институт. Через два года грянула Отечественная война. Роковой день 22 июня застал Николая в родительском доме — к то-му времени семья жила в Лотошинском районе, неподалеку от Воло-коламска. В армию юношу не брали по состоянию здоровья. К осени в Лотошине появились отступавшие наши части, и один красно-армеец, квартирант Тряпкиных, тревожась за участь Николая, по-советовал ему перебраться в Котлас, на лесной кордоп, — там у красноармейца жили родственники. Николай так и сделал. А скоро он уже был в Сольвычегодске — работал там в местной газете. Затем он пересел в колхоз, в пятнадцати километрах от Сольвы-чегодска, и осел там надолго — вступил в должность счетовода. Новая, по-своему прекрасная природа, повые люди, книги, которые удавалось брать в сольвычегодской библиотеке, заставляли рабо-тать воображение. Колхозный счетовод стал потихоньку писать стихи. Когда-то, в Москве, он пробовал сочинять, но то были бес-сильные, почти тщетные попытки. А теперь выходили живые, на-пористые, наполненные морозным архангельским духом строки, сочные, как стручок гороха. Читатель найдет в этой книге стихотво-рение «Снег» — все там словно бы покрыто мохнатым вьсем, все морозно похрустывает — так хорошо передано ощущение северных метелей и стужи. Стихотворение «Снег» было написано, за немне-нием другой бумаги, в графленой счетоводной книге того сольвы-чегодского колхоза.

Николаю Тряпкину хотелось показать свои стихи опытному поэту. Юноша решает ехать в Москву, искать Павла Антоколь-ского — его стихотворение «Сашюлот» он твердил с восторгом. До-быв в Москве адрес поэта, Тряпкин так волновался, что едва не по-вернул назад от самой двери его квартиры. Павел Григорьевич почувствовал в стихах тверитянина и подлинность интонации, и

сельскую своеобразность. Он крепко поддержал начинающего, велел в будущем показывать все, что тот напишет. Это было в 1944 году. Через два года Павел Антокольский направил Тряпкина в журнал «Октябрь», к Федору Панферову. Скоро в «Октябре» появилось два стихотворения Тряпкина, за ними последовала уже изрядная подборка. А еще через три месяца, поздним зимним вечером, в окошко избы Тряпкина постучала девушка, посыльный из райкома комсомола, и передала Тряпкину, что его вызывают на «съезд писателей». Вызов был, конечно, не на «съезде», а на Первое совещание молодых писателей, организованное по инициативе ЦК комсомола и Союза писателей.

Вместе с А. Недогоновым, С. Орловым, С. Гудзенко Николай Тряпкин и на совещании попал в семинар к Павлу Антокольскому. Дальнейшая судьба молодого стихотворца зависела от собственного его упорства и работоспособности. По-прежнему живя в деревне, он готовит книгу стихов. «Первая борозда» — так называлась эта книга, вышедшая в 1953 году в Москве, в издательстве «Молодая гвардия». Вторая книжка Тряпкина — «Белая ночь» — в 1958 году появилась в Архангельске.

Уже в «Первой борозде» можно было отчетливо ощутить главные черты поэзии Тряпкина, его взгляд на мир. Это романтический, увиденный сквозь фольклорно-сказочную призму мир современной деревни, мир северной русской природы. Это широкий поиск героического начала в жизни, поиск сверстника, современника, одухотворенного светлыми гражданственными устремлениями. С самого начала стихи Николая Тряпкина носили полусказочный колорит, в котором нашло свое отражение причудливое соседство, сосуществование старины и новизны в русской деревне, если взять историю ее последних десятилетий в том размахе — почти с середины двадцатых годов, — как она преломилась в сознании поэта. Старое и новое в стихах Тряпкина крепко сцеплено, сцементировано, дано в перасторжком, эстетически цельном слове. После книг Александра Прокофьева и Александра Яшина, после прозы Шергина и раннего Леонова снова зазвучала у Тряпкина русская народная речь Севера — то бойкая и ухватистая, со скоморошьям наигрышем и лукавничкой, то протяжная, полногласная, бережливая ко всякой красоте. Залучился всеми своими отливами, как варезанные медовые соты на свету, глубинный, почти незамечаемый литературой, архангельский и тверской крестьянский словарь: без него поэзия Тряпкина лишилась бы значительной доли своего обаяния. Фольклорная струя, народная сказочная фантастика и реальный деревенский быт, очерченный порой крутым просторечием, утвердились в стихах Тряпкина на равных правах. Поэт не переписывает

пародные песни и присказки, не вставляет их в свой текст — его собственное воображение создает картины, ослепленные духом фольклора:

Там лес бородатый, как дед Зимогор,
Сосновой дрючиной стучится во двор.

Там рыкне лося в большой снегопад
На дровнях по школам развозят ребят.

В полуфантастических строках Тряпкива, уводящих словно бы в глухую старину, почти всегда гнездятся непреложные приметы нашего времени.

Реальный колхозный быт нередко рисуется поэтом без обпьяков, лицом к лицу, но Тряпкин — лирик по преимуществу, и лирика его, вся словесная ее плоть, при любых взлетах пропитана ощущением человека, кровно связанного с селом. Он гордится тем, что «овсян половой на колхозных токах», тракторист или сельский механик или шофер — ему свой брат, товарищ, к плотникам он питает неистребимое пристрастие. В одном из превосходных стихотворений о себе, о своей судьбе, поэт видит себя именно сельским плотником-строителем:

Я не зря топором по стропилам стучал,
Я сосновые меда изведал на вкус.
Потому и смеяться и жить не устал,
И плечо под увесистый просится брус...

Поэт посвящает стихи колхозному конюху, «рядовому со скотного двора», пропахшему «хлебом и землей», со сбитыми, давно загрубевшими руками. Поэту хочется особо отметить, запечатлеть этот по виду неприглядный, но тяжелый и необходимый труд. И обращаясь к будущему, он от лица героя стихотворения с вызовом говорит:

Слышите ль, потомки, эти стукки?
Это я работаю пешней.

По стихотворениям Тряпкина ощущаешь, как от сельской околицы, от гумна или фермы тянутся прочные нити к великим нашим новостройкам и великим городам, к самому космосу. Нити эти идут прямо через сердца, через сознание советских людей, где бы они ни жили, где бы ни трудились. Посмотрите, как свежо, совершенно по-новому осмысляет поэт привычные вещи, какие небывалые импульсы посылает ему деревенский горизонт, когда он шплет о космодромах, о звездных ракетах — «стрелах из дыма и звука»:

А в печах в это время, у нас в деревнюшке,
Завывают, как ведьмы, чугунные вьюшки,
И в ночи, превсполненной странного света,
Загорается печь, как живое магнето.

И гапу я певолью огонь папироски,
И какие-то в сердце доплю отголоски,
И скорее иду за прогом, к раздорожью,
Где какие-то спектры играют над рожью,
А вокруг силовые грохочут органы...

Николай Тряпкин не был бы поэтом, не уловив этой характерной ноты века.

У Николая Тряпкина своя особая тропа в советской поэзии. Звук и цвет его стихов как бы настоян на лесных травах, пронизан вересковыми запахами. На нежный первоцвет весенних излохнн, к таинственным сосновым гривам своего Севера ведет читателя поэт. Не будучи специально песенником, Тряпкин поэт песенный по существу — по ладу стиха, по его ритмической раскатке. Не даром сам он исполняет свои стихи только распевом и стремится писать так, чтобы написанное пелось. Старательно оттачивается, отшлифовывается фонетика стиха, применительно к «голосу» идет выбор коротких и длинных слов, их сочетание. Образ — и вместе с ним строфа — должны не дробиться, растекаться в деталях, а приобретать звучность и силу обобщения. Повествовательность, обнаженность сюжета отмечается, но и при установке на распев стих ничуть не теряет ни в своей живописи, ни в мысли. Стих не опроцается, а несет всю свою внутреннюю нагрузку, сохраняет всю глубину. Лирическая исповедальность — вот высшее условие, которому следует Николай Тряпкин, подчиняя ему любой элемент, любой прием своего мастерства. Она-то, эта исповедальность, и окрашивает все лучшее его стихотворения.

Николай Тряпкин учился у многих поэтов: читая его, осознаешь, что не заглохла, не пропала и клюевская песенная, словно узорчатыми цветными камушками выложенная стезжка, не прошло бесследно языческое мифотворчество Городецкого, что овеет своим овсяным теплом нашу литературную поросль Сергей Есенин, что дают ей свои уроки Прокофьев и Твардовский.

Николай Тряпкин избрал в своем творчестве все эти струп очень органично. Стихотворения его несут глубокую печать индивидуальности, их автора распознаешь с первого взгляда.

Будто журавлиный клип, выстроился в книге такие чудесные стихотворения, как «Скряп моей колыбели», «Столько выюг прошумело», «Темнеет кровь», «Виноградие да зеленое», «Силохнн», «Припадаю к темным норам...», «Все лужки, да ямки родничковые». Сколько поистине озаренных образов, великолепно прочувствованных ассоциаций в стихах, начинающихся строкой: «Забытые вехи, заглохшие дали...» Это своего рода сага, баянов папев, прозвучавший неким вечером «с пагорий былого»:

Забутые веки, заглушенные дали
 Давно прожитого,
Да грубый осколок музейной пиццали,
 Да чье-нибудь слово.
Да где-нибудь там, за дымями овина,
 В лесном сельсовете,
В соломенных снах шевелится былина,
 Усядутся дети.

Поэт неустанно ищет все новые ритмы, новую строфику стихов. Как много вкрадливой певучести и красоты в разработанном Тряпкиным катрене с этими плавными и одновременно задорными повторами:

Никогда я бродить не устану
 Возле рек, возле рек.
И топтать, приминать на полянах
 Первый снег, первый снег.

Тяга к изначальным основам национальной культуры, к древнерусской живописи, зодчеству, старинному песенному творчеству стала теперь среди людей искусства чуть ли не всеобщей. Тут ныне кроется настоятельная духовная потребность. Стихи Тряпкина очень ярко выражали эту тенденцию с первых его шагов в поэзию. Любовь к русской старине, к чисто народной сфере национальной культуры лишь окрыляет талант Тряпкина. Он черпает в этой любви душевную крепость и читает залоги будущего. Без этой любви не было бы поэта Тряпкина, каким мы его знаем. А о силе его проникновения в старинную быль и небыль свидетельствуют и только что цитированные стихи о «забывших веках», и стихи о Дмитрии Самозванце, и «Исцеление Муромца», в котором Николай Тряпкин не без горделивого сознания своего мастерства как бы бросил перчатку прославленному корифею такого жанра — Алексею Константиновичу Толстому. Дорого дал бы иной стихотворец за одну только ту подробность в «Исцелении» Тряпкина, когда сидевший сиднем Илья с горькой завистью говорит странникам — каликам перехожим:

Мне бы чуточку пыли от ваших лаптей,
 Разлюбезные люди.

Сгустками сурика и охры, положенными живописцем, выглядят у Тряпкина строки замечательного стихотворного цикла «Пияма», где колдовская сутемь древних поверий словно бы обвиняет кровлю и ветцы северных хмурых наб, где «подворотный снег сквозит душком лисицы», где «на лепных печках, ровесниках Касция, волхвонный календарь читает Домовой».

Впрочем, читатель сам будет выбирать в книге Николая Тряпкина то, что ему придется по сердцу. И, собственно, каждый может составить свое собрание избранных стихотворений открывшегося ему поэта. Когда автор словно бы отчитывается за несколько десятилетий своей работы, он, подобно заботливому селянину, провеивает вороха своих стихов, чтобы выделить самые полноценные, полноцветные зерна. Именно так готовил свой сборник «Златоуст» Николай Тряпкин. Хочется верить, что со страниц этой итоговой для Тряпкина сегодня книги на читателя свежо и остро пахнет валежанный в душе поэта мир —

Ивняковый, травяной, долинный
Мир, поющий ветром и лозой!

Николай Банников

Я уйд^у за красные туманы
Через те закатные мосты.
За дал^еким полем, у бурьяна,
Жди м^еня до поздней темноты.

Говор^{ят}, что там, за грязью алой,
Где са^{дит}ся солнце на шесток,
Зацвет^{ает} силой небывалой
Огнек^{ры}мый сказочный цветок;

Что ед^{ва}, мол, тронь его рукою —
И зем^{ля} в таинственном саду,
И восх^{одят} звезды над тобою
На вел^{иком} песенном ходу...

Дай ж^е мне веселые закл^ятья
От глу^{хой} и скучной слепоты,
И пуск^{ай} той верой на закате
Загор^{ят}ся дальние кусты.

Жди м^еня, раздольная, у края,
За полями гаснущего дня...
Загорю^{сь} тем светом, не сгорая,
И цвет^{ок} достану из огня.

И пуск^{ай} идет себе прохожий,
Ничего не думая про нас,
Превра^{тись} ты в камень придорож^{ный},
Чтобы скр^{ыться} от ненужных гла^з.

Пу, а если вещи зарницы
Всё же крикнут о конце моем,—
Ты сама на этой вот странице
Распустишь негаданным цветком.

И пускай он — вечный и желанный —
Зазвонит гармошкой у крыльца,
И зажгутся тайной несказанной
И земля, и воздух, и леса.

И никто вовек не перестанет
Забываться в песне, как во сне.
А цветок в глаза ему заглянет
И расскажет сказку обо мне.

1962

Часть первая

ИЗБА И ПОЛЕ

1943—1959

И пусть прошумит мое поле
Огнистой соломой снопами,
И пусть оно мне вдалеке
Вечерним светит огнями.

Засмеялась калина, краснея счастливо,
Заплела меня в зелень косы.
И надела калина мне перстень красивый
В заревых самоцветах росы.

Точно совы, крутом, с голубой поволокой,
Тропыхались зарницы в лугу.
Вот о чем-то правдивом, простом и широком
Заиграл гармонист на кругу.

Но казалось — по скатам самим откровеньем
Замерцали пруды и стога.
Но казалось — девичья слеза от волненья
Сильней каплей сбегает с листка.

И шептала калина: «Возьми без остатка
Все назревшие гроздьи мои!»
И смеялись мы с нею и верили сладко
В нераздельную душу земли.

* * *

Хаты в житных щитах, как извозчики в рыжих тулупах,
Телеграмму зимы прочитали с набережных уступов.
— Выезжаю! — лучилось рыбным поводедем реки.
И теплей запахнулся хаты в печине дымки.

И шутили в селе — как по листьям ряби-подоконок
За бегущим по ветру листком пропустился котенок:
Вот последний прыжок, вот присел я, нацелившись, —
хватать!

Точно память о лете в двух лапках решил удержать.

1945

* * *

Приехать с дружного покоса
На завтрак с теплым пирогом
И все домашние вопросы
Обдумать кстати за столом.

А после в горнице прохладной
Газету свежую раскрыть
Или — не очень, правда, складно —
Смычком по струнам поводить.

Потом осиновы слеги
Возить к машинному пятаку,
А на порожние телеги
Сажать босую детвору.

И прокатить с того откоса,
Нырять в ласковую рожь...
Ты эти скромные запросы
В душе, как счастье, бережешь.

И ты встаешь, как я, с рассвета,
Прокос ведешь рядком со мной,
И благодарная планета
В лицо нам брызгает росой.

1947

БИБЛИОТЕКА
2111

ХОЗЯИН

Пускай весь дом беда перевернет,
И труд не впрок, и всё — наоборот,

И кажется, в петошленной печи
Хоть поселяйся филин да кричи.

Но если жизнь, как бронзу нитака,
Упрямо гнет хозяйская рука,

И все горшки, и крипки, и ухват
Любим чертям идут на перехват,—

Тогда попробуй ты, колток Яга,
Засушь-ка в печь такого мужика!

Сумеешь ли? Лопатой подтолкнешь?
И всё — на дрых голодный?
На скулеж?

К соседу постояльцем-бобылем?
Или, может быть, каликой с костьюлем?

*

Но если ты и мастер сей игры —
Он разворотит все тартарары:

Не будет хлеба — принажмет на лук,
На фронте кони — прииряжется в плуг,

Но выпрямится, пыльный и босой,
Над голодухой, пеплом и войпой.

И над разрытым ею пустырем
На мертвых истанет обгорелый дом —

Тот кровный, что к душе его прирос,
Как этот запах дегтя от колес.

И в этом доме каждое бревно
Хозяин потом перемоем вновь,

И выбелит упрямая мечта:
Чтоб если двор, то в ромбах ворота,

Чтоб если окна, то под ленту тюль,
А трудодень — так уж в осминный кул!

Попробуй-ка, лопатиха-Яга,
Засушь-ка в печь такого мужика!
Сумеешь ли?..

Хотелось бы и мне,
Заквашиваясь в песенной квашне

И под перо кривое, что горбыли,
Кладя строку с обкусанной губы,—

Да, над своим над словом — пустырем
И мне б хотелось крепкострокий дом —

Посадистый, просторный и простой,
С бессонницей над каждой запятой...

И ни ковров, ни шелка одеял!
Чтоб мастер пел в молоток стучал.

А если — крах, и снова дом — в дыму,
Чтоб следовать хозяйскому уму:

С дороги — гвоздь да с пепелица — гвоздь,—
И вином плечо под брусом нацряглось...

Если сляпый-сляпый свет и зори
Нашим дням вчера присуждены
Столькими усилиями горя,
Что нельзя не зпать ему цевы,

Что теперь, хотя бы негодую,
Мы не в силах нежность побороти,
Слыша, как с левад нас именует
Серенькая птичка Подъ-полоть,—

Если так, неужли в этот лучший
Праздник наших песен и судеб
Выщется кто-то, стерегущий
Горькой солью наш веселый хлеб?

Или, может, свадьбы торжествуя,
Мы уж пропускаем сгоряча
Чью-то кислую, кривую,
Прищурь из-за ближнего плеча?

Знаю, что кому-то не по нраву
Молодого жаворонка звон,
И летит уже плевков отравы
Через наш малиновый погон.

Никакой весне не благодарным —
Что им до теперешней красы!
Сердцу на желтухе и подагре
Не заволноваться от росы.

Сплечимся, друзья мои, вплотную.
Боевыми шрамами храня
Громко-величавую, простую
Чистоту отворенного дня!

Этот свет, и молодость, и зори
Нам вчера, вчера присуждены
Столькими усилиями горя,
Что нельзя не знать ему цены.

1947

Проселок, дождиком примоченный,
Блестя в вечерней позолоте,
Вагрустиул, притих, сосредоточенный,
У мостика, на повороте.

Не знаю — в чем оговоренные
Замялись ветлы над мостками.
Лишь травы полнились бессонными
Коростелипыми шажками.

Не мать ли здесь на первых проводах
С сыночком долго расставалась?
Проселку тенькали два провода
Про чью-то светлую усталость.

Прошелся ветер с шустрой палостью,
А ветлы пуще растерялись
И, разводя руками жалостно,
Бесдонной влагой осыпались.

1947

За поемный гербовник, пустившийся в рост
 По железу разбитого танка!
 За тебя, молодой, ослепительный тес
 Под веселой походкой рубанка!

За тебя, на рибине горластый скворец —
 Сигналист восходящего века!
 И за то, что сегодня у наших крылец
 Заструилось вселенское млеко!

И пускай не споткнется Земля на бегу,
 Распускаясь, как венчик ромашки,
 И мой старый топорик, прогретый слегу,
 Засынает на солнечной плашке.

Эй, давай-ка погромче, высокий скворец!
 Эй ты — тю! — распрекрасная Леда!..
 За ромашку, и песню, и ловкий резец,
 И за лучшее слово — «победа»!

Ах ты, сукин ты сын! То ли гвоздь, то ли сук!..
 Да поможет заздравная склянка!..
 И совсем по-вселенски осела вокруг,
 Засверкала сосновая дранка.

И пускай все сигарки согнутся в дугу,
 Запыхтев, как меха, от затяжки.
 И пускай там поярче, у нас на лугу,
 Зацветают платки и рубашки.

И не я ли сегодня — горластый скворец —
У весенней околицы века?..
За ромашку, и песию, и ловкий резец,
И за славу творца-человека!

1946

Уже сданы клинки и ружья,
И на свирель особый сирок...
И вот — настой зеленых лужиц
И стук проселочных колес.

И пусть со мной, не уставая,
Поют пригорки и кусты,
И вьется тропка полевая
С напевом медленной версты.

1945

Легко ругнуть неприхотливость друга.
Но разве ты не говоришь со мной,
Как терпеливо спится под дерюгой
В избе отца, ограбленной войной?..

Уже июнь стелился нам под ноги,
А тут кругом — и клячи даже нет.
Ты плуг тянул. А я впрягался в дроги.
И нам девчонки цокали вослед.

1947

Серый дождик прямо к лестнице приник.
У порога ручеек из-под калош.
А на улице буксует грузовик,
Клапанами чертыхается на дождь.

Холодеющий заоблачный простор.
Взмах прощальный журавлиного крыла.
И стучит в окно измученный шофер:
— Где посуше до соседнего села?

В эту осень хорошо стучаться в дом,
Где с гостями встречу празднует солдат,
Где не скажут: «Пробирайся напрямком!»,
А подскажут: «Заверни на рюмку, брат!»

И, поведав, сколько луж перешагал,
Ты с героем — благодарный гражданин —
Будешь чокаться: «Как служба? Где бывал?
Не вместе ли брали Прагу и Берлин?»

1945

Вчера наконец замолчало гумно,
И в полдень студёный вдруг стало мутно:

Запахло вдруг снегом с мохнатых высот,
Затмивших на речке мерцающий лёд.

Возили с гумёнья тугие мешки,
Басили, на небо смотря, мужики:

Что к вечеру белых вот мух ожидай,
Что в пору прибрали к рукам урожай...

Ледок суховато хрустел под стопой,
По дрогам уж снежной стучало круной.

А небо, как шуба, у самых ворот
Заглохшей полою к земле припадет.

И в ночь Зимогор на село прискакал,
И первым из первых то сторож видал.

«В саях, говорит, сам — под тысячу лет,
Метель-бородища — во весь сельсовет».

Поутру хозяйки пошли за водой.
Глядь — берег сугробы сровняли с рекой.

Что ж, в нашем краю, где сугробам простор,
Худого двора не завел Зимогор:

В сусеки обочин, в лари котловин
Он сыплет пшено первосортных снежин,

Прямля первопуток в районный Совет
И пса запускает на заячий след...

*

Белсет дорога чрез маленький мост.
По пей из села выезжает обоз.

В нагольных тулупах, раздув чубуки,
Поехали в лес на сезон мужики.

А в нашей деревне по этой поре
Хозяюшки трещлют кудель во дворе.

И белые букли мохров костряных,
Как снежные хлопья, ложатся на них.

1943

Под говор лежанки вздремнул ввочеру
За дратвою дедушка Прон.
Средь порванной сбруи, запачкан в вару,
Загрезил над стежкой он.

Так дробно стучит на обрезках ремней,
Дрожит, поднимает нога.
Бьют звонкие бубны очажных огней,
Которыми старость крепка.

А с воли деревню щекочет мороз,
Луна по сугробьям крыш.
А здесь, пробудясь, разурчишься под нос,
Покажешь трескучему шиш...

Ой, стонет колено, не чуешь плюсны.
Ругается дедушка Прон.
Сидит, вспоминает сквозь дымные сны
Морозный немецкий полон.

И весело чтить воркуну-очагу
Бессмертным уютом костра
Того, кто, разутый на лютном снегу,
В сугробе стоял у двора.

1946

Лозняком, да выгоном, да лугом,
 Да в цвету картофельных полей
 На покой вечерний шел я с плугом,
 Понукал я чалых лошадей.

И рукой, что пахла перегноем,
 Отводя тумана синий чад,—
 Что-то пол хорошее, родное,
 Посылал свой голос на закат.

Только рассказать я не сумею,
 Как плыла к закату буй-трава
 И как песня смешивала с нею
 Злаками расцветшие слова.

Только не припомню, не отвечу:
 Да кому ж в тот вечер заревой
 Кланялся я всею человечьей,
 Песенной раскрытой широтой?

Хлебу ль, что ни разу не был горьким
 На моем несладостном веку?
 Ветру ль, что увел меня на зорьке
 И обнял попутную ольху?

Просто ли я далью разметался,
 С голоса загрезил, залетал
 По горам, куда не добирался,
 По морям, которых не видал?

Хорошо, в какие сны и страны
Ни подяжет песенный разлив,
Лишь бы рядом — синие туманы,
А заев был молод и красив!

1947

Пожалее забытую зорьку мою
И вечернюю песню свою запою.

Буду валенки в зимнюю ночь подшивать
И тихонько прощальную песню слагать.

Принесет снеговой, ударяющий вкось,
Образ девушки той, что забыть не пришлось.

И повеет проталинкой близкой весны,
И пойму, что заплачки совсем не нужны.

Буду в снежную полночь веснянку слагать
И гусей, лебедей, журавлей поджидать.

И прощальную песню, без черной каймы,
Уберу в сундучишко до новой зимы.

1954

Дай мне, земля, в эти громкие годы
Силы, бурлящей в твоей глубине.
Силы творить небывалые всходы,
Силы втройне!

Хлынули реки по отчему краю
Солнечным соком, живую водой.
Дай мне растить золотым урожаем
Век золотой!

Дай мне сегодня на лемех моторный
Лучшей росы из твоих цветников!
Сею в тебя я граненые зерна
В сто сошников!

Дай же, земля, мне большого волнения
Думой подняться над полем родным,
Внукам отдам я поклон поколенья
Злаком своим!

Разум людской над твоим изголовьем,
Слава людская — призванье твое.
Жарко пылает любовью сыновней
Сердце мое!

Дай обниму тебя с верой и страстью,
К сердцу прижму перенахавший пласт.
Пусть они брызнут от этого счастья —
Слезы из глаз!

1948

Я зову тебя своей,
Ты ко мне стремишься.
Только женою моей,
Вижу, стать боишься.

Ты повесишь милый нос,
И я вижу ясно,
Что столицу на колхоз
Променять опасно:

Трудно будет на заре
Заниматься печкой,
Трудно бегать в январе
За водой на речку.

И пускай на целый мир
Здесь поэт прогрянет,
А веслою бригадир
В дом его заглянет...

Только с милым по любви
Проживешь с охотой.
Все же стирку не зови
Черною работой.

Можно весело косить
Подобру-здорову,
Можно печку истопить,
Подойти корову,

Чтобы в доме без огня
Ночки просияли.
Чтобы ярче у меня
Рифмы зацвели.

А уж если я пророк
Буду знаменитый,
Ты разделишь мой венок,
Лаврами увитый...

В тихий вечер, не спеша,
Ты обдумай это.
Не бросай, моя душа,
Своего поэта.

1955

На дворе раскричался петух,
Раскудахтались куры.
А на улице снег поразбух
И проталинки буры.

Зашумит водополи, подойдет
К почерневшему стогу.
Затрубит вышина, запоет
И покличет в дорогу.

И пойду я по теплой земле
Через дымные зори,
Погрущу о родимом селе
На каком-то сугоре.

Зарокочет камнями река,
Залопечет осина,
Поплывут облака, облака
Над дорогою сына.

Я за ними глаза подниму
И вздохну от печали
И доверюсь пути своему
В зазвучавшие дали.

И побуду я в мире большом,
На певучем истоке,
И сложу я о крае родном
Свои лучшие строки.

1953

ЛЕТЕЛА ГАГАРА...

1

Летела гагара,
Летела гагара
На весенней заре.

Летела гагара
С морского утеса
Над тундрой сырой.

А там на болотах,
А там на болотах
Брусника цвела.

А там на болотах
Дымились туманы,
Олени паслись.

2

Летела гагара,
Кричала гагара,
Махала крылом.

Летела гагара
Над мохом зеленым,
Над синей водой.

Дымились болота,
Дымились болота
На теплой заре.

Дымились болота,
Туманились травы,
Брусника цвела.

3

Кричала гагара,
Кричала гагара
Над крышей моей.

Кричала гагара,
Что солнце проснулось,
Что море поет.

Что солнце проснулось,
Что месяц гуляет,
Как юный олень.

Что месяц гуляет,
Что море сияет,
Что мплая ждет.

1955

Не ходил я речником на Кострому,
Не рыбачил под Самарскою лукой,
И не звал я на горячую корму
Теплый дождик, золотистый и косой.

Льется Волга, бьются волны за бортом,
Что за горы там кудрявые прошли?
Чую запах нефтяной под ветерком,
Слышу песню: «Жигули вы, Жигули!»

Развернулась бесконечная вода
До зеленых, еле видимых лугов.
Даже радуга сгорела от стыда,
Не достигнувши концами берегов.

Я рукою чью-то рученьку держу,
В чьем-то взоре вижу ласковый туман.
И поэтому я искренне прошу —
Дайте ходу пароходу, капитан!

Льется Волга, бьются волны за бортом.
Где-то горы синим дымом изошли,
И со мною кто-то милым голоском
Напевает: «Жигули вы, Жигули!»

1952

АНЧИ

Скликаю друзей к листопадным кострам,
Безусый охотник идет по горам.
Оленья сапожки, ружье за спиной.
Раскосый парижка и смуглый такой.

На снежных вершинах скрипят кедрачи.
Идет, и поет, и смеется Анчи:
— Ай, старый таежник, ай, сивый Алтай,
Ты ветром под тучи, ты снегом поддай!

А сверху шумят и скрипят кедрачи
И сеют снежок на чубарик Анчи.
А снизу, под чашами синих озер,
Горит лозняка желтолистый костер.

С вершин откликаюсь лесным тракторам,
Веселый охотник идет по горам,
Тычками силки прикрепляет к земле,
И стучает пож в деревянном чехле.

Эй, сосны, гудите,
Лису разбудите.
По шуму ступая,
Возьмем горностаю.

Достанем лисицу
Морозу на шапку,
Оденем в лисицу
Метелицу-бабку.

По шуму ступая,
Возьмем горностаю —
Тебе, озорная
Красотка Январ!

1952

ДОРОГА

Серебристая дорога, серебристая.
Лес да горы, снег да лунный порошок.
Вечер брызгами охотничьего выстрела
В небо скважины горящие прожог.

И над пропастью, тенями перекрытою,
Задремали придорожные столбы.
И мерещится за каждой ракистой
Теплый запах от невидимой избы.

Может, скрытый кедрочами и березами,
Где-то рядом здесь прислушался марал,
Как трубит ему оленьими совхозами
Затуманенный лесистый перевал.

А дорога вверх под сумеречным пологом
Продолжает свой медлительный подъем,
Хорошо бы там с кочующим геологом
Развести костер на облаке ночном.

Лес да горы, снег да пропасти отвесные.
Не боюсь тропой рискованной пройти.
Вот ступлю на ту хребтину поднебесную —
И пойду уже по Млечному Пути.

1952

В. А. Архипову

За свине своды,
 За вешние воды
 Зовут меня детски сказки природы,
 На белую гору, к метельному бору,
 Отвесить поклон старику Зимогору.
 И северный дед, убеленный снегами,
 Кудлатый, как бор, залопочет губами,
 Читая берложки священные Веды,
 Усевшись на пенё для высокой беседы.

Сосновые своды, глухие проходы...
 Я слушаю тайную флейту природы,
 Иду через дремы, очнуться не смея,
 К прогалинам детства, в страну Берендея,
 На красные горы, в певучие боры,
 Где тучи с громами ведут разговоры,
 Где сосны и ели вздыхают о Леле
 И ждут заревой ворожейной свирели.
 И старый медведь, умудренный годами,
 Там ходит с клюкой, оснащенной суками,
 Храня заповедники Звука и Слова
 От страшного зверя и глаза лихого...

Пронесятся тучи, пронесятся годы,
 Меняются земли, меняются воды.
 А я эти тропы, и вздохы, и ступи
 Держу на примете, беру на поруки.
 А я эти песни, рожки и свирели

Хотел бы оставить в родной колыбели,
Где красные горы, где шумные боры,
Где я на дулке искал переборы.
И слушал земли заповедные Веды,
Сядь на пенек для высокой беседы...

1957

Улетели грачьи стаи.
Выхожу на изволок.
Всюду крепкая усталость,
Всюду терпкий холодок.

Не гляди в пустую чашу,
Там лишь мокрые листы.
Скачет зайчик немудрящий
На свекольные бурты.

Грянет ветер по загонам —
Дрогнет в кучах городьба.
И клубится дым зеленый
Из посохшего гриба.

Как бы солнце ни старалось —
Все не в пользу, все не впрок:
Всюду крепкая усталость,
Всюду терпкий холодок.

1957

* * *

Не вадыхал, не грустил, не бродил
Возле белого барского дома
И не сравнивал бронзу перил
Со своей пазбяною соломой.

И на празднике майских ночей
Не брала меня злая досада,
Что не мне распевал соловей
В белой роще господского сада.

Что за роца спила в цвету!
Что за флейта звала, не смолкая!..
Да ведь сколько тут гроз на ветру
Пронеслось, все огнем опаляя!

Ипчего! Ты послушай со мной:
Над заливом, что в зарослях скрылся,
Белый сад, на волне ветровой,
Белым шумом повсю расходялся.

Он шумит на десятки ладов
О земле полнокровной и честной,
И в полотнах его парусов —
Несмолкающий гомон воскресный.

И летит с детворой карусель,
И гудит, заведенная током.
И зовет вечереющий хмель
Помечтать у ограды высокой.

Приходи и минут не жалея,
И совсем огорчаться не надо,
Что не нам распевал соловей
В белой роще господского сада.

1955

Я не зря топором по строилам стучал,
 Я сосновые меда изведаль на вкус.
 Потому и смеяться и жить не устал,
 И плечо под увесистый просится брус.

И ржаную ковригу на крепком столе
 Я приемлю как дар из редчайших даров.
 И люблю по веселой пройтись земле
 Грузноватой походкой больших мастеров.

Бродит снегом, и солнцем, и грязью пустырь,
 И летят снегири на зачахший пырей.
 Дует ветер веселый в пустую бутылку
 И свистит в городище сырых штабелей.

И опять подо мною бревно запоем,
 И натянется шнур, отбивая черту.
 И растут наши избы с крыльцом на восход,
 И гремят флюгера на высоком ветру.

И грачи, на готовый садясь частокол,
 Молодцам салютуют крылом вороным.
 И проносятся запахи солнечных смол,
 И расходятся меда по жилам моим.

И веселый паромщик зовет на причал
 За костер, за уху да за песельный кус...
 Потому и смеяться и жить не устал,
 И плечо под увесистый просится брус.

1957

Не весна ль тому виновница,
Долгожданная весна?
Вдруг возьмет да и припомнится
Песня русская одна.

Песня старая-престарая,
Молодая, как заря...
Ой, летала пчелка ярая
За далеким моря.

Отмыкала лето красное
(Что за ключик золотой!),
Выпускала солнце ясное
Над родимой стороной.

И пришло оно, привехало
К Волге матушке-реке
На скорлупочке ореховой,
На пшеничном колоске...

Песня с гордостью не знаетса,
Ходит по полю пешком,
Добрым людям улыбается
За пастушеским рожком.

Песня новая не новая,
В лапотках из берестип,
А росю васильковою
Все умылись, как один.

Даже самая отсталая
В сердце травка ожила...
А всего-то пчелка малая
За морями побыла!

1957

На груди твоей желтые руки,
Отработавшие навек.
И морщины лицевых излучки —
Точно сотни застывших рек.

По какой же, отец, метели
Мы с поднятых стропил упали?
И когда они отлетели —
Твои тихие журавли?

И лежит он, посыпан илью,
Твой топор, не любивший лежать.
Только песню и сложишь ныне,
Как мы ездили работать,

Как на станциях под Москвою
Глеет утренняя звезда,
И стоят еще на покое
Электрические поезда.

И опять бы на зорьке смутной
Говорили бы сын с отцом:
— Забежим-ка в буфет попутный
Да поедем или пойдем...

Но лежит на скамье разлуки
Будто свой и не свой человек.
И тесемкой связаны руки,
Опустившиеся навек.

Ты не жди меня скоро в гости —
Не короток сыновиний путь...
Запоет на твоем погосте
Вешний ветер, хмельной чуть-чуть.

И тебе повестит, что снова
На земле, мол, затаял снег
И запахло щепой сосновой
Над разливом знакомых рек.

А на станциях под Москвою
Гаснет утренняя звезда,
И сынка, мол, берут с собою
Электрические поезда.

1954

Я уходил в леса такие,
Каких не сыщешь наяву,
И слушал вздохи колдовские,
И рвал неадаптированную траву.

И зарывался в мох косматый,
В духмяный морок, в дымный соп,
И был ни сватом и ни братом —
Жилец бог весть каких времен.

И сосны дремные скрипели
И бормотали, как волхвы.
Но где, когда, в каком пределе —
Вся память воп из головы.

И не пишу, и не жалею...
На землю новый сылет снег.
Рублю дрова и хату грею —
Уже поживший человек.

Смотрю — и вижу, как впервые,
Усадьбы с мерзлой ботвой,
И скотный двор, и озимые,
И побелевший садик мой.

И вновь теплом родных селений
Запахли свежие горбы.
И вот опять пою о сене,
О звонких пряслах городьбы.

Иду к машинному навесу,
Ночной справляю караул...
Из заколдованного леса
К родному дому повернул.

ПЕСНЬ О ЗИМНЕМ ОЧАГЕ

Раздуй лежанку, раздуй лежанку,
Стели постель.
На старой крыше, срывая дранку,
Дурит метель.

В лесную темень уносит ветер
Собачий вой.
А пам так славно при ярком свете,
А мы с тобой.

Раздуй лежанку, сними сапожки,
Моя краса!
Заносит вьюга пути-дорожки,
Скрипят леса.

На снежных окнах — седая просинь,
Густой убор.
Гудяет вьюга, стучатся лоси
На теплый двор.

Гуляет ветер, швыряет ветер
Обрывки хвой.
А мы смеемся, а мы как дети,
А мы с тобой.

А мы прижмемся, а мы попросим
Летучий снег,
Чтоб даже лоси в глухом заносе
Нашли ночлег.

1956

ДЕЛО БЫЛО ЛЕТОМ...

Дело было летом,
На базаре было.
Бабушка Марина
Петуха купила.
И ввиду такого
Случая большого
Дед Кузьма Петрович
Захотел спиртного...
Отшумели годы,
Что зимою вьюга.
Дед к палатке винной
Кличет мила друга:
«Не тужи, Васильич,
Что близка могила.
У меня старуха
Петуха купила...»
Заказал по чарке,
Подозвал Марину:
«Чокнемся, хозяйка,
За твою скотину,
За твою скотину,
За мою дворину,
За тебя, Васильич,
За твою плешину!»

Выпили по чарке,
Дед еще хлопочет.
А петух в корзинке
Возится, кокачет.

Выпили по повой,
А петух кокочет.
Дед Кузьма Петрович
В третьей бублик мочит,
А потом в корзину
Петуху пихает
И такую штуку
Трижды повторяет.

А базар на солище
Бродит-колобродит.
Честь тому, кто счастье
С гвоздика заводит!
Не успел Петрович
Выпить и за это —
Поползла корзина,
Что твоя карета.
«Ах ты, краснокрылый!
Выскочил к простору».
Сорвалась бечевка
С петушиной шпоры,
И пошел Петруша
Пьяной каруселью,
Точно старый плотник
После новоселья;
И давай ногами
Вытворять курбеты,
И давай прохожих
Цапать за щиблеты,
Запеваает песни,
Пыжится спесиво...

Весь базар хохочет
На такое диво.
А герой грозитя,
Драку затевает.

И стоит Марина,
Громко причитает:
«Ах ты, петушина,
Голос оловянный,
Пьяница зеленый,
Дурень окаянный!

Вот зачем ты продан,
Косоглазый каин!
Из тебя ли будет
Во дворе хозяин?»

А базар на соляце
Бродит-колобродит.
Честь тому, кто с песней
К солнышку выходит!
Что там безо время
Думать о могиле!
В новую корзину
Петьку посадили.
Тропулась подвода,
Миновали реку.
И все было слышно:
«Ку-ка-рёку!»

1957

ЖЕЛАНИЕ

Я уйду по снегам за далекую Пинегу
В белый сумрак великих лесов.
Не возьму ничего: ни берданки, ни спиннинга,
Ни романов, ни пьес, ни стихов.

Я возьму только душу с глазенками школьника,
Только лыжи со скоростью птиц
И пойду собирать по завьюженным хвойникам
Голубые звоночки синиц.

Говорят, что на Цыльме, за снежными стрехами,
Загорается звездный Олень,
И разгульные санки с ночными потехами
За Печору летят и Мезень.

Я возьму только душу с глазенками школьника
И скажу ей: гляди, понимай.
И подарит мне сказку Великого Хвойника
Серебристый шалуп-горюстай.

И пускай затеряюсь в сугробных излучинах, —
Я дождусь несказанной весны
И спою вам слова, что, как жизнь, заполучены
У лесной тишины.

1957

БЕЛАЯ НОЧЬ

А. Н. Семакову

Уже грести не стало воли,
Уже задумалось весло,
А море с песенкой о дроле
Себя дымком заволокло.

И там, далёко, на стоянке,
И недалёко от зари,
Звучат полуночные склянки,
И засыпают рыбаки.

И только птичья караваны
Судам покоя не дают.
И только белые туманы
Вдали, как айсберги, плывут.

И все так призрачно одето
И так по-странному светло,
Как будто тени стали светом,
А утро в сумрак перешло.

И вдруг с какой-нибудь Шелони
Ударит ветер напрямиком —
И забуряют глухие тони,
Играя красным поплавком.

Но слышу — там же, на стоянке,
На добрый сон родной земли,
Звучат медлительные склянки
И тихо шлещут корабли.

И слова песенка о дроле
С такою дрожью голосов,
Что в веслу не хватит воли
И языку не хватит слов.

1954

Я на море смотрю — и светлеет оно
И глядит на меня.
И обоях нас видит горячее солнце
С высоких небес.

А кругом тишина. И никто нам не криклет.
И мы никому.
Только море, да солнце, да я — человек.
Хорошо нам втроем!

1954

Жили, как дети, и пели, как дети...
И не узнали себя на портрете!
Ты ли мамаша и я ли папаша?
Или наврали фотографии наши?
Или меж нами подростки дети?
Или потрескались мы на портрете?

Что же ты грустно роняешь слезинки?
В жизни, родная, не как на картинке.
Тут и вода подмывает ракиту,
Там и звезда изменяет орбиту...
Только живешь до последней росинки,
Тем и силен, что не как на картинке.

Помню: в сиреневом девичьем цвете
Ты мне сияла на первом портрете.
Куст пожелтел, и не стало портрета...
Что ж! Дожила ты до бабьего лета.
Рядом с тобою подростки дети...
Разве ты хуже на этом портрете?

1956

ДОЖДИ

И снова хмарь. Дурит погода.
Дожди, дожди. Земля мутна.
Как ты устала за полгода,
Моя родная сторона!

Куда мы с кручи ни глядели,
Какой ни верили звезде!
Во ржах машины присмирели,
Колосья сникли к борозде.

Грачей и тех уже не слышу,
Как будто все ушло во мглу.
Дожди насквозь пробили крышу,
Корыта, ведра на полу.

Дожди, дожди! Из стран бесплодных,
Чьи нивы пламенем сожгло,
Кромешным смерчем водородным
Сюда вас, что ли, занесло?

Иль вы пришли по вольной воле,
Со всех земель приплыли к нам,
Чтобы пролить на это поле
Все слезы, собранные там?

Ну что ж! Тогда сильнее печали
Земля не знала до сих пор.
Но мы и в снах не забывали
Далеких братьев и сестер.

И вновь под небом нашей славы
Любое облако пробьем
И к ним железные составы
Погоним с хлебом и теплом.

1957

ПЕСНЯ О БЕЗНОГОМ СОЛДАТЕ

От павших твердынь Порт-Артура.

Русская баллада

Из белых палат госпитальных,
Лет семь или восемь назад,
В деревню, к родному порогу,
Приехал безногий солдат.

Велел он, усы подкрутивши,
Себя посадить у окна.
И, людям не выдав печали,
Открыла пирушку жена.

И тут же герой Сталинграда
Расправил погон по плечу:
— Несите мне старые шлеи,
А дратву я сам накручу.

И вот перед милым окошком,
Не восемь ли, кажется, лет,
Работает шорник безногий,
На белый любит свет.

Глядят он, мужик, на усадьбы,
Где прежде сновал он весной.
А нынче там столбик военный
Да грустный полынный покой.

Да солнце в окошко заглянет,
Да редкий пройдет человек.
И только в кудрях перепетых
За снегом проносится снег.

И дратвой обмотаны руки,
И ходит, сверкая, игла.
И крепко в солдатскую трубку
Глубокая дума легла.

1957

Мне говорят, что я в опасности,
Что это тень, мол, на плетень —
Изображать в печатной гласности
Незагоды наших деревень.

Писать про избы, что сутулятся
От жизни, трудно прожитой;
Писать про то, что есть, мол, улицы,
Знакомые с полынь-травой...

Эй вы, папаша и брательники!
Я сам не рад в конце концов.
Но... эти чертовы репейники
Среди пустующих дворов!

Не я ли тут стихи закручивал
Про чудный сад в моем углу?
А эти злючины колючие
Мне облепили всю полу...

Сюда, поэт! В поля безмерные!
И в хлебный и в полынный шум!
Давай учиться глазу верному
И слов не тратить наобум.

Пройдем поречьями, поёмами,
По селам громким и глухим.
И если где мосты поломаны —
Не отвернемся, не смолчим.

Пусть шой кряхтит и хмурится,
Что это тени, мол, на плетень.
А мы с тобой на каждой улице
Посадим синюю сирень.

1957

Рожь ты волнистая, рожь ты густая,
Поле широкое, небо высокое,
Рожь да пахучий кусток молочая,
Рожь да березки, да снь с поволокою.

Рдяный пиккульник на гребнях суглинка,
Вспорхи внезапно взлетающих стрепетов.
Рожь да столбы, да кривая тропинка,
Рожь да простор в замирающих трепетах.

Что там услышится в шелестах тайных?
Вдох ли какой? Или песня без голоса?
Машут спокойные крылья комбайна,
Желтый дымок поднимается с колоса.

Рожь ты тенистая, рожь навесная,
С белой пушилкой — далекой, безродною,
Рожь да прослок, да кромка лесная,
Тихое солнце над речкой холоднойю.

Где-то парнишки ушли по призыву,
Стихли за пылью бурливых росстаней.
Рожь да платки матерей молчаливых,
Рожь да столбы, да пути перекрестные.

Где-то звучит опустевшая крика,
Где-то воды на снопах еще не пито...
Рожь да березки, да гребни суглинка,
Рожь да простор в замирающих трепетах.

Рожь ты волнистая, рожь ты густая,
Морные шумы да тебя переходная.
Что же ты шепчешь, к ногам припадая?
Речь задушевиую? Повесть народную?..

1957

Лесная жалейка, знакомые звуки,
Плакучие ивы, речные палуки.
Речные палуки.

Знакомые птицы кружат надо мною,
Знакомое солнце висит над водою.
Горит над водою.

И сердце, устав от лихого скитанья,
Прислушалось к травам лесного молчанья,
Лесного молчанья.

И в сердце — из детства, из дальней разлуки —
Я слышу всё те же знакомые звуки.
Знакомые звуки...

1957

1

Здесь прадед Святогор в скрижалях не стареет,
 Зато и сам Христос не спорит с новизной.
 И на лепных печах, ровесниках Кащея,
 Колхозный календарь читает Домовой.

Здесь подворотный снег сквозит душком лисицы,
 А снег полночных бань так суеверно-глух...
 До утра Домовой ворочает страницы
 Под брачный хохоток перинниц-молодух.

2

Надо листья в саду загрести по замерзшим дорожкам,
 И в сарай перекласть не мешало б до снега дрова.
 Поднимись на чердак и забей слуховое окошко,
 Чтобы крейче в хлеву задышала сухая трава.

И порадуй свой печер снопом хворостяной визапки
 И заслушайся вповь, погрузясь в полусон, в полусвет,
 Как с мурлыкой по-свойски огнем балагурит лежанка,
 И, работая дратвой, воркует на карженке дед.

Будет смутно в углах. И закурится трубка поверий.
 И, как зелье волхва, поползет из другой самосад...
 На дремучем наречье огня, человека и зверя
 В наших горницах почти всегда в ноябре говорят.

И снова бью челом, забывши о просторах,
 Заглохшим вечерам декабрьского двора.
 А печка — что алтарь, а в печке — жаркий хворост,
 А за стеною — снег, поморье и ветра.

И снова просит двор: перед тешлом и пицей
 Среди сумерек, с кошлой, замешкаться в хлеву
 И, заглядысь в коровьи темные глазищи,
 Язычеством пещер прогрезить наяву.

Под низкой божницей мерцаньем кимарит
 Маргасик с луной пополам.
 Старик повторяет в напев поминальный,
 Догадки плывут по бровям.

Дремучая давность стоит за плечами,
 И забыль кедровых трущоб
 Бормочет стволами, топочет лосями
 За дверью, где звездный сугроб.

И шпикает старый: припомнишь ли скоро,
 Какого ты роду, чьих нрав, —
 С безлестием троп, с бормотанием бора
 Давно свои думы смешав?

Унесут меня в бесконечность
Звздолетные корабли,
И увижу в провалах Млечных
Голубой фонарик Земли.

Всюду ночь без конца и срока
И немые костры миров.
Ой, далёко, очень далёко
Наше поле и город Зубцов!

Может быть, тогда уж на свете —
Ни штыков нигде, ни войны,
И на пушечном на лафете
Станет мама сушить новины.

В улетающем звездоходе
Я на Землю не раз оглянусь,
И приснится мне дождь в огороде
(А у тына пасется гусь).

Вспомню зимний пар у копышки,
Солнцепек за нашей избой,
И, наверно, не будет скушно
Вспомнить старый полшубок свой.

След хоречка на свежем снеге...
И очнусь и вздохну горячо:
Дескать, как там на Марсе и Веге —
А у нас на Земле хорошо!

А у нас на Земле — сорока
И весенний бой петухов...
Ой, далёко, очень далёко
Наше поле и город Зубцов!

1957

За морошкой, за черникой,
За грибами, за грибами!
Забирай ведро и кузов,
Забирай кошель из лыка —
И айда, кто хочет, с нами
Из контор, из гулких вузов,
Из поселка, из селенья
В голубое воскресенье
По проселку, по тропинке,
По жнивью, по суходолу —
И распишем в паутинки
Наши брюки и подола!

За морошкой, за черникой!
За душистыми грибами!
Эй, кто весел и проворен!
Больше песен, больше крика!
Через мох лесных закорыт!
В дебри с лосьими тропами!
За веселым изобильем
В наши северные страны!
Прилетайте, эскадрильи!
Приплывайте, караваны!
Чтобы только — без разбоя!
Чтобы только — без обмана!
Чтобы с тучкою грибною
Да с вихрастой детворою..
И грузочки и маслятки
Дружно высыпят навстречу,

И помчатся с нами в прятки —
Угляди, мол, человеке:
За пенек ли мы присядем?
За травой ли притаимся?
Кроме слизи — этих гадни! —
Ничего мы не боимся.

За морошкой, за черникой!
За хрущатыми грибами!..
Эй, сюда, сюда, ребята!
Бродит мед в бору великом.
Эй, сюда, сюда, девчата!
Где там ведра с черпаками?
Чтобы соты не прокисли,
Окружай сосну-колоду!
Да притопнем, да присвищем,
Да пройдемся хороводом:
— Ах ты, ягодка лесная,
Наша мать-земля сырая!
Что медов ты нарожала!
Что за пчелы зашумели!
От горячего ужала
Все медведи окривели.
Знать, уж так, земля родная,
Мы тебя повли кровью,
Что и в даль чужого края
Мы несем твоё здоровье.

За морошкой!
За черникой!
За грибами!
За грибами!

Есть город на свете. Зовут — Кострома.
Там крепко из бревен сидят терема.
Там лес бородатый, как дед Зимогор,
Сосновой дрючпной стучится во двор.

Там рыжие лоси в большой снегопад
На дровнях по школам развозят ребят,
Там царь Берендей на проспекте живет,
А сказки, что бабки, сидят у ворот.

Сидят, и судачат, и гладят внучат,
А сойки сверху на антеннах кричат,
И пахнет на Волге брусничкой и мхом...
А впрочем, я не был во граде таком.

Но в думах пречудных, сквозь песельный сон,
Я слышу лесов перегуд-порезвон,
И песня бежит вересовой тропой,
И чую и верю: есть город такой!

Твержу: Кострома, Кострома, Кострома
И вижу — над Волгой цветут терема,
И лес бородатый, как дед Зимогор,
Сосновой дрючпной стучится во двор...

1958

Хорошо, ребята, быть поэтом,
Только чтобы — стих, а не горшок.
То есть прямо говорю про это:
Быть поэтом очень хорошо!

Запевают звездные моторы.
Время славить звездные пути...
Хорошо бы все же для опоры
Точку приземления найти.

Милый край! Родимая стороица!
Ты моя опора и рука...
И бежит, бежит, бежит трехтонка,
И плывут над нами облака.

Я люблю забавные погудки
Деревенских сродников своих
И дымком отцовской самокрутки
Согреваю мой вселенский стих.

Милый край от Волоцка до Ржева!..
Светлый сон, идущий сквозь века!..
Ты — как снег февральского пригрева,
Ты — как нежный запах молока.

Хорошо здесь в Шоше искупаться.
Взять поехать на базар в Зубцов
И от критиков позатеряться
Среди полей, черемух и скворцов.

Сеять лен, метать в остожья травы,
Здороветь от дегтя и росы...
И пускай над песней вместо славы
Зазвешят сережками овсы.

1958

Темнеет кровь. Идут года.
 Растут деревья. Зреют думы.
 Все больше вмятины, как вода,
 В душе неведомые шумы.

О тополь мой, весенний мой!
 Ты пропел с грозой и пухом
 И со всемирною войной,
 И со всемирною разрухой.

А мне легко, легко до слез.
 И вот уж верю поневоле,
 Что я рожден, как тот овес,
 Дышать дымком родного поля.

Кладу по снегу первый след,
 Встречаю праздник ледохода.
 И в смене зим, и в смене лет
 Читаю исповедь природы.

И там, над дедовским ручьем,
 Шумит знакомая осока.
 И я, как лебедь, бью крылом
 У заповедного истока.

1959

Все-то хочется, не расхочется
По такой ли гулять земле!
Все не терпится, все хлопочется,
Все не дремлет на заре.

Ах, как нежно звенят проталинки,
И опять весна у двора!
Посидим на теплой завалинке —
И пора, голубок, пора.

Вьется фартук мой над стропилами,
И поет малиновый день.
Размахнулись горячими пилами
Горизонты родных деревень.

И опять почерневшими трактами
Белогривая скачет вода.
И сверкающие рефракторы
Снова солнце наводит сюда.

Пусть посмотрит на эти проталинки
И как правильно следует жить.
Ну, а я запотевшие валенки
На завалинке буду сушить.

Ах ты, жизнь моя! Годы вольные!
Исполать же вам, исполать
За березыньки белоствольные
И за эту вот благодать,

За фуганки мои и ресмусы,
За фуражечку набекрень
И за самые интересные
Горизонты родных деревень!

Эй, плывите, заречные, встречные
Громы плотничьи на посад!
И пускай про все человечное
Пилы с пилами говорят...

Все-то хочется, не расхочется
По живой ходить по земле,
Все не терпится, все хлопочется,
Все не дремлет на заре.

1958

Дядя пьет венгерский ром
И сидит один.
Травостой за окном,
В травостое — тын.

Рожь густая — на порог,
Бой перепелов.
За окном — хуторок
Из пяти дворов.

*

Сколько зим, сколько лет!
Из каких сторон?
Умер батька мой и дед.
Здравствуй, дядя Прон!

За окном — хуторок,
А шумел посад.
Только тишь.
Только рожь.
Дергачи скрипят.

*

Дядя пьет венгерский ром,
Подливает в чай.
Над гумном, над прудом —
Рыжий молочай.

Закипел кипрейный цвет,
Заросли планы.

Галок нет.
Пыли нет.
Время тишины.

★

Рожь густая — на порог,
Бой перепелов.
И скринят хуторок
От таких боев.

Серый цвет-перечет
У твоих погон.
Ты надолго али нет
К нам, товарищ Прон?

★

За окном — хуторок,
А шумел посад.
Дядя выйдет за порог,
А потом — назад.

Сколько зим, сколько лет!
То ли было, то ли нет...
Дядя пьет венгерский ром
И свдит один.

1959

Ай ты горькая доля, зловредный удел,
 Избяная колода!
 Тридцать лет я, ребята, без сил просидел
 Да еще вот три года.
 За мою ли вину, за чужие ль грехи
 Приключилось такое?
 Не могу раздавить ни клопа, ни блохи
 Ни рукой, ни ногою.

Донивайте же всё, что на этом столе,
 Гуслиры-скоморохи!
 В Карачарове нашем, в дородном селе,
 Угощенья неплохи.
 Да ударьте еще по своим по струнам,
 Чтобы крепче задело!
 Разбегается жар по моим по кровям,
 Оживает все тело.

Посмотрите, как землю весенним теплом
 Распекло, разморило.
 Это машет в полях огненным помелом
 Животворец Ярило.
 Посмотрите, как сыплют зерно мужички
 В золотое лукошко.
 Что же мне-то все слушать, как свиряют свирь
 Да глядеть из окошка?

Исходили вы тыщи привольных путей
 По Русь и по Чуди.
 Мне бы чуточку пыли от ваших лаптей,
 Разлюбезные люди.

Что же! Дуньте, посыпьте мой черный кусок
При паутственном слове,
Чтобы сила пошла, как весенний поток,
По Илюхиной крови.

Да ударьте, ребята, еще по струнам,
Это верное дело.

Разбегается жар по рукам, по ногам.
Оживает все тело.

И махну же я, братцы, на добром коне
Через гривы курганов!

И помну я врагов по родной стороне,
Как печных тараканов!

1958

Лесные пни, лесные скаты.
Лесное бойкое шоссэ,
А у дороги — зверь губатый,
Живой сохач во всей красе.

Слуют авто, гремят подводы,
А он стоит и смотрит вслед —
Лесной хозяйни, вождь породы,
Прошедший дебри тысяч лет.

И вот по всем дорогам леса
Познавший глубь своих наук,
Он смотрит с явным интересом
На все издѣлья наших рук.

Июльский прах овеял ноги...
Он шею вытянул, трубя...
И вдруг на камне у дороги
Он видит самою себя:

Из гипса собранный сохатый
Стоит и мыслит перед ним.
И умилился зверь косматый
Впервые над собой самим.

И шѣст из круглого колодца
И даже побыл на мосту.
Он видит наше превосходство
И верит в нашу доброту.

Снуют авто, гремят подводы,
А он стоит и смотрит вслед
Глазами темными природы,
Из дебрей глянувших на свет.

Пришла и сказала: прощай,
 Нам радости вместе не будет.
 Не злись. На судьбу не пеняй.
 Пускай уж нас время рассудит...

И долго у этих рябин
 Смотрел я, как ты уходила.
 Темнел вечеряющий тын,
 Лягушка в пруду голосила.

Я думал: ну что ж... ну что ж...
 Прощай, дорогая девчонка.
 Пусть в поле печальный дождь
 Не взмочет твою одежонку.

Пусть там, на дырявом мосту,
 Твоя не оступится ножка,
 Пускай про твою красоту
 Поет на закате гармошка.

Но песня придет и уйдет,
 И ночь догорит на рассвете.
 Желаю тебе в этот год
 Супруга в своем сельсовете.

Желаю дружку твоему
 Во всем совершенства поболе,
 И чтоб у хозяйки в дому
 Он крепко сидел на приколе!..

Решила забыть — забывай.
 Пускай уж нас время рассудит.
 А жалость придет — поскучай,
 От этого хуже не будет.

1959

Качели, качели,
Качайтесь, качели!
Чтоб доски ходили
И крючья скрипели!
Чтоб доски ходили,
Веревки звучали,
Чтоб с паних затылков
Шапчонки слетали!
Давайте, качели!
Наддайте, качели!
К веселой капели
Грачи подоспели.
В деревне — качели,
Петушки веснянки.
У нашего дома —
Подснежники в баяке.

Качели, качели,
Взлетайте, качели!
Играют веревки
В ручонках у Вели.
Играют у Вели,
Звенят у Маруси...
Эй, гуси, вы, гуси,
Далекие гуси!
Не мешкайте, гуси!
Мы вас ожидаем.
Мы к вам на качелях
Гурьбой вылетаем.
Крылами гремите,
К нам лето гоните,

Чтоб ягодки были
У солнышка в сите,
Чтоб ягодки были
У Маши в подоле!..
Спешите, летите
К нам, серые, в поле!

Давайте, качели!
Наддайте, качели!
Чтоб в самом зените
Пропеллеры пели,
Чтоб зимние бури
В трубу не трубили,
Чтоб страшные волки
В ночи не бродили!
Давайте, качели!
Наддайте, качели!
За мокрые крыши
Взлетайте, качели!
За облачный пояс
Небесных карнизов
Бросайте вселенной
Ликующий вызов!

Никогда я бродить не устану
Возле рек, возле рек.
И топтать-приминать на полянах
Первый снег, первый снег.

Никогда я пройтись не забуду
Через луг, через луг, —
Чтоб кузнечик повсюду, повсюду —
Тики-тук, тики-тук!

Вижу — небо горит надо мною
Высотой, высотой.
Хорошо погулять под такую
Красотой, красотой!

Умереть — и подняться осинной
Возле рек, возле рек...
И ловить с перелетов гусиных
Первый снег, первый снег!

1958

ЗАВЕЩАНИЕ

Доживу до конца. И ириду на площадку футбольную,
Пару свежих забью сорванцам.
А потом закурю. И в ладоши горячие, школьные
Свою долгую жизнь передам.

Положу мой топор. И все годы с гвоздями и песнями.
Дескать, что ж, не побреагуйте, вот:
Перекличка флюгарок. Огни корпусов над полесьями.
И три сотли спортивных ворот.

Забирайте, мол, всё. И простите, коль мало хорошего.
Что-нибудь пригодится же вам:
Знаменитый передник. Уменье под крестною пошею
Песни петь и ходить по цветам.

Забирайте. Прошу. А в придачу, до вашего вечера,—
Тыщу лет вам, друзья, тыщу лет!
Вырастайте — солдаты, борцы, печники и диспетчеры,
Устроители новых планет.

1959

Часть вторая

ЗЕМЛЯ И НЕБО

1960—1969

Уж, видно, тот нам выпал жребий
У края Млечного Пути:
Живую душу в мертвом небе
К живому солнцу унести.

Ивняковый, травяной, долинный
Мир, поющий ветром и лозой!
Журавлиной цепью длинной-длинной
Ты опять проходишь надо мной.

И стою молчу, закрывши веки.
Что там плещет? Кто взывает к нам?..
Журавли ль, шумящие, как реки,
Устремляясь к южным берегам?

Долгий путь от моря и до моря!
Крыльев свист, протяжный до тоски...
Как-то нынче семга на Печоре?
Запаслись ли шубой рыбаки?

Я к ветрам протягиваю руки:
Мир долинный! Что тебе скажу?
Через все блуждания и муки
Я к тебе свободным выхожу.

И гремят знамена листопадов —
Жаркие, в серебряную нить...
Дай ты мне во все твои прохлады
Душу-песню шире пораскрыть.

И пускай бегут, вздымаясь, реки
К теплым устьям, к спним берегам,
Из страны варяг да прямо в греки
Снова путь прокладывая нам.

Чу! Скрипят гуденные лещуги.
Видишь — дым ложится на волну?
Запускай же песельные струги
Да по всю раздольную страну!

Мы пройдем от моря и до моря —
За крылом, шумящим вдалеке,—
И сноем на Волге о Печоре
И Днепру — о волжском рыбаке.

Будет все знакомо — незнакомо.
Только — чур! — никто нам не мешай.
И в раскатах песельного грома
Расплеснется Слово, как Дунай.

1961

Припадаю к темным норам,
К тайным тропам и углам:
Что-то снится спящим горам,
Полуночным облакам!

Хороши земные глуши,
Передетное «курлы»!
Что там слышат лосьи уши
Из густой осенней мглы?

Где там ели проскрипели?
Чей там шепот, чей там крик?
Разгадать бы травный шелест,
Положить на свой язык!

Чтобы, властный и свободный,
Побеждая темный прах,
Знал я тайны первородной
Детский запах на губах.

1960

Хорошо,
 когда забродит холод,
 Поскучать у печки при огне.
 Вот сижу. А был когда-то молод
 И гулял по Северной Двине.

Ой, гулял на том на пароходе
 (И прозвание помню — «Здоровяк!»),
 О косматой северной погоде
 Сказы плел, — и уж не помню как.

Север, север!
 С моря шла моряна,
 А к морям — хвоя, хвоя, хвоя.
 Может, вплоть до острова Буяна
 Плавала посудина моя.

А на хлопцах брякали медали
 Да еще (из области мечты)
 Где-то нас рыбачки поджидали —
 Девы несравненной красоты!

Ой, ходила бурная моряна,
 А Двина плыла, плыла, плыла.
 Не за тем ли островом Буяном
 Ты, моя любимая, жила?

Вспоминаю палубы раскачку
 С перепремной чайкой над водой.
 Может, наилучшая рыбачка
 Уходила в плаванье со мной.

Достаю старинные медали
Да еще вот эти (о мечты!)
Письма, что когда-то нам писали
Девы несравненной красоты.

И пускай за дверью бродит холод, —
Погрущу у печки, при огне,
И спую, что был когда-то молод
И гулял по Северной Двине.

1960

Черномор, отпусти! Черномор, не губи мою душу.
Разомкни, чародей, эти грязные когти коряг!
Здесь владенья твои. Здесь прытопы волючих лягушек.
Здесь моря из болот. А для них только ты и моряк.

Эти черные хвосты бегут на песчаные скаты,
Эти черные пни обседают горелый кочкарь...
Где же замки твои, о которых я слышал когда-то!
Или ты их укрыл в эту злую таежную гарь?

Черномор, отпусти! Ведь и сам я уйду из болота.
Этот лес — без чудес. Это всё — лишь ребяческий сон.
Что мне плеск лебедей? Вот услышать бы треск вертолета
Из-за тех пустырей, из дальних и милых сторон.

Сколько черных веков тут скиты, задыхаясь, горели!
Сколько жалких бродяг проклинали здесь имя свое!..
Где же скрипки твои, где твои колдовские свирели?
Это овод звенит. Это злое поет комарье.

Черномор, отступись! Не пытай в меня горьким дурманом.
Я давно уж не верю ни в бога, ни в сон и ни в чох.
Знаю только одно: что ты куст в этом логове пьяном,
Под болотным туманом ушедший в языческий мох.

Что мне замки твои и дворцы из рубинов и золота!
Это — красный мираж из вечерних сквозных облаков.
Знаю только одно: что придут сюда наши ребята
И зажгут лампы — живые на веки веков...

Чуть подул ветерок — и в закате дворцы поредели...
Черномор, примиришь и доверься великой судьбе:
Мы сыграем тебе на своей, человеческой, свирели,
И услышишь ты песни, какие не спились тебе...

1961

Озерный край,
Лесная сторона,
Горючая песчаная дорога.
И всю дорогу — елка да сосна,
Да кое-где прогалинка со стогом.
Сосна да ель. Да птичий голосок.
Да пахнет лес грибами и смолою.
А под погами — бел-сыпуч песок,
И скрип дерев пад Вычегдой-рекою.

Заманит глушь, певедомый овраг.
Задышит полдень солнцем и брусликой.
А рядом куст, махровый, как лошак,
Вздохнет: «Не бойся, парень. Отдохни-ка!»
И заморгает в чаще зелен хмель,
Засветится глазенками хмелинок.
И ты на землю ставишь свой кошель.
Кусаеть хлеб. И, сидя, рвешь малину...

Коряжема!.. Сестрица!.. Благодать...
Когда-то я прокладывал здесь гаги.
И в той избе ложился почивать
На сказочные русские полати.
Была война. Гремел за Волгой бой.
А мы тут лес грузили на подмогу.
И уходил к медведям Домовой,
Чтоб не слышать воздушную тревогу.
И всю-то ночь у сказочной свечп

Хозяйка паша, бабушка Агния,
Крутила прялку на своей печи,
Как истая полночица Россия.
Какая была! Какая старина!..
А снег шумел и падал у порога.

*
Озерный край.
Лесная сторожа.
Горючая
Песчаная
Дорога.

1960

К востоку, все к востоку
Стремление земли.

В. А. Жуковский

Бабочка белая! Бабочка белая!
В травах горячих земля.
Там, за притихшей лесною капеллою,
Слышится всхлип журавля.

Речка бежит, загибая за просеку,
Желтый погнавши листок.
Бабочка белая с черненьким носиком!
Лето пошло на восток.

Чуешь, как мир убегает в ту сторону —
Горы, леса, облака?
Сосны гудят — и старинному ворону
Прошлые снятся века.

Сколько жилось ему смолоду, смолоду
В гулкой лесной глубине?!
Ты же погибнешь по первому холоду.
Много ль держаться и мне!

Думы наплыли, а сосны качаются
Желтый кружится листок.
Речка бормочет. Глаза закрываются.
Время бежит на восток...

Пусть же послышится песня знакомая
Там, за Вечерней Звездой.
Может, и мы здесь июльскими дрёмами
Завтра провеём с тобой.

Годы промчатся, как соколы смелые,
Мир не устанет сниться...
Бабочка белая! Бабочка белая!
Кто бы родил нас онятно!

1960

1

Мне было с детством расставаться жаль,
И с юностью прощался я — и плакал.
И снова ты звенишь, моя печаль, —
Осенняя тоскующая птаха.

Сентябрь, сентябрь! Предвестье холодов!
Глубокий шум пустеющего сада!
А мне бы вновь хотелось тех цветов,
Что я топтал мальчишкой по левадам.

Какая даль зовет нас по весне!
Какая рожь стоит над нами летом!
А нынче вновь увидел я во сне
Все то же детство, сгнившее где-то.

Знакомые увидел я кусты,
Знакомый пруд за Галкиной избою.
И я шептал: «Ужели здесь и ты,
Тот мальчик с непокрытой головою?»

И все казалось: я — уже не я,
А только дядя с желтыми зубами.
И где-то там, у старого ручья,
Заснули птицы, брошенные нами.

2

Заря моя, мелькнувшая давно,
И песенка, пролетая когда-то!
Из риги дым, ползущий на гумно,
И мы в снопах — драчливые галчата...

И вдруг проснешься. Был ты или нет?
Играет кот с мышонком лунным в прятки.
А за окном — колючий звездный свет
И заморозком схваченные грядки.

И снова чуешь близость холодов
За шорохом пустующего сада.
Петух поет — как будто слышишь зов
Из дальнего, невидимого града.

Заря моя, горевшая в окне!
Друзья мои, гулявшие артелью!
Иль вы давно забыли обо мне
За долгую, за жизненной метелью?

И снова с чем-то расставаться жаль,
И все о чем-то хочется поплакать...
И ты опять звенишь, моя печаль, —
Осенняя тоскующая птица.

1960

К беде или к счастью — не знаю —
 Давно от тебя я отвык.
 И как-то в московском трамвае
 Увидел я милый двойник.

И скрежет и визг поворотов,
 Осенних оград тишина.
 А я все смотрел на кого-то
 И думал: она? Не она?

Глубокие складки лежали
 У черных бровей и висков...
 Ах, ты ля, мол, прежняя, та ля,
 Девчонка тридцатых годов?

Я как-то спросить не решился,
 Хотел — да зачем? Ни к чему...
 За окнами сквер осыпался
 В прозрачном сентябрьском дыму.

Мерещилось что-то родное:
 И вечер, и сад, и кино,
 И майское платье цветное,
 И запад, пылавший давно...

Вагон подошел к остановке,
 И женщина тихо сошла.
 У старой рабочей спецовки
 Играла по ветру пола.

И думал я грустно и долго,
Что годы летят напрямик.
Прошли мы и Доном и Волгой,
Как тот строевой грузовик.

И столько сапог истоптали,
И столько пожухло листов!..
Ах, ты ли, хорошая, та ли,
Девчонка тридцатых годов?!

1960

Хорошо здесь одному побыть,
Что-то вспомнить, что-то позабыть, —

На пустынной жниве, у межи,
Где мальчишкой бегал я во ржи.

Здесь вот мать склонялась над серпом,
Там вон коршун плавал над селом

И стояла хатка на краю...
Сии же, детство! Баюшки-баю!

Заплетайся дружным ивняком,
Ни о чем не думай, ни о ком.

Пусть проходят годы и века,
Как на небе синем облака.

Кулички мои! Кювить, кювить!
Хорошо и облачком проплыть.

Все проходит. Что ж, и мы пройдем.
И про все забудем. Обо всем.

Мы про все забудем. Только нас,
Может, кто-то вспомнит в добрый час,

Постоит у старой у межи,
Где мальчишкой бегал он во ржи...

Будет так же грустно и смешно,
Как и все, знакомое давно!

Но про это снова и опять
Не устанут люди повторять.

1960

* * *

Забросав деревню шишками,
Лес бежит на косогор.
А мальчишки кочерыжками
Обтрясли ему вихор.

День опять, как леший, хмурится.
В полумгле мерцает ГЭС.
Эй, комбайны, мокры курицы!
Марш в деревню под навес!..

Хорошо в борах заснеженных
Слушать песенку пилы.
Нарублю сухой валежины,
Накурю густой смолы.

Эй, зима! По чарке водочки!
И — пораньше — за верстак.
Засмолим такие лодочки —
Приходи любой рыбак!

1961

ЛЕСНЫЕ ЗАГРИВКИ...

Лесные загривки. Болота, болота.
Здесь грустно кому-то и жалко кого-то,

Здесь черные тряси — лешачьи качели,
И чьи-то во мхи деревеньки засели,

Засели, заплыли — и всё позабыли, —
Как предки у речек скиты городили,

И сеяли хлеб старички-мухоморы
И сказки слагали в сугробах Печоры.

И всё, что им снилось, во мхи превратилось,
И сердце мое здесь давно заблудилось.

И только над лесом, припомнив кого-то,
Куда-то проходит патруль самолета.

И сердце блуждает, ко мхам припадает,
И чьи-то всё норы прощупать желает,

И чем-то прогрезить, во что-то поверить.
И что-то волхвующей песней измерить.

И чую, что здесь, у какой-то запруды,
Укрылись мои самоцветные руды.

И я их открою, и я их достану,
И к тайнам земли припадать не устану.

1961

Белая отмель. И камни. И шелест прилива.
 Море в полуденном сне с пароходом далеким.
 Крикнешь в пространство. Замрешь. Никакого отъезда.
 Сладко, о море, побыть на земле одиноким.

Где-то гагара кричит над пустынею водной.
 Редкие сосны прозрачны под северным светом.
 Или ты снова пришел — молодой и безродный —
 К тундрам и скалам чужим, к неизвестным заветам?

Что там за тундрой? Леса в синеве бесконечной.
 С берега чайки летят на речные излуки.
 Слова я — древний Охотник с колчаном заплечным,
 Зной комариный в ушах — как звенящие луки.

Что там за морем? Лежат снеговые туманы.
 Грезят метели под пологом Звездного Чума.
 Мир вам, земля, и вода, и полночные страны,
 Вечно сверкающий кряж Ледяного Угрюма!

Сколько веков я к порогу Земли прорубался!
 Застыли свет мне лесные дремучие стены.
 Двери открылись. И путь прямо к звездам начался.
 Дайте ж побыть на последней черте Ойкумены!

Мир вам, и солнце, и скалы, и птичий господья,
 Запахов кренкая соль, как в начале творенья!
 Всё впереди! А пока лишь — тепло да здоровье,
 Чайки, да солнце, да я, да морское свеченье.

Белая отмель. И камня. И шелест прилива.
Море в полуденном сне с парходом далеким.
Крикнешь в пространство. Замрешь. Никакого отъ
Сладко, о море, побыть на земле одиноким.

1961

Снег, да поземка, да сумрак Мезени.
Скользкие нарты проносят олени.

Гулко летит по звенящему насту
Аргиш лихой под луною скуластой.

Аргиш — по звездам, по ветру, по слуху...
Жутко вот так бесприютному духу!

Скоро вон там, на непастином отроге,
Тундра задует в пустынные роги.

Снег, да луна, да скрипенье осоки,
Рядом — собачьи голодные склоки,

Где-то вон там, за горами, лесами,
Жил я со старыми добрыми снами.

Аргиш — по звездам, по волчьему следу,
Где моя пристань? Куда я приеду?

Свистну хорсем, привстав на колени...
Светится сумрак, топчут олени.

Аргиш, да песня, да ветер с Печоры,
Где мои сказки про вешние горы?

Старые сказки с веселыми снами
Снежною пылью свистят под санями.

1961

¹ А р г и ш — олений поезд, которым управляет один человек.

Уже не густы листопады,
И заржавели их цвета.
И пот на мглистые левады
Дохла стужей высота.

И где-то в тучах, с перелета,
Гусиный рог заговорил.
И леса медные ворота
Не сам ли Космос отворил?

Какие грустные погромы!
Где этих просек пестрота?
Глядится в черноту проемы
Не та ли злая пустота?..

Гремите, гусь перелеты!
А мы — над грудой звездных карт.
И ваши Млечные пилоты
Ушли — дозорными — на старт.

И мы стоим в предвечном круге
Перед лицом твоим, Январь,
И стережем очаг подруги,
И нашу зыбь, и нашу ярь...

Летите, серые, летите!
Земля летит. Мы все летим —
Туда, туда, по той орбите —
К заветным пристаням своим.

И что мы знаем в звездном свете?
Куда нас Вечность позвала?..
Пусть ответят наши дети,
Смеемся у нашего тепла.

1961

**И что мы значим в звездном свете?
Куда нас Вечность позвала?..
Пускай ответят наши дети,
Смеясь у нашего тепла.**

1961

* * *

Уже не густы листопады,
И заржавели их цвета.
И вот на мглистые левяды
Дохла стужей высота.

И где-то в тучах, с перелета,
Гусиный рог заговорил.
И леса медные ворота
Не сам ли Космос отворил?

Какие грустные погромы!
Где этих просек пестрота?
Глядится в черные проемы
Не та ли злая пустота?..

Гремите, гуси перелеты!
А мы — пад грудой звездных карт.
И наши Млечные плоты
Ушли — дозорными — на старт.

И мы стоим в предвечном круге
Перед лицом твоим, Январь,
И стережем очаг подруги,
И нашу зябь, и нашу ярь...

Летите, серые, летите!
Земля летит. Мы все летим —
Туда, туда, по той орбите —
К заветным пристаням своим.

Столько вьюг прошумело за снежным окном,
За мохпатым окном!
Замело, завалило все избы кругом,
Все полесья кругом.

Завалило — и вновь — тишина, тишина,
Перебранка сорок.
И над крышей моей, как пушок волокна,
Закружился дымок.

И стоит он на солнце и сходит на нет,
И светясь и дрожа:
Что же! Есть, мол, и тут и очаг, и привет,
И живая душа, —

За снегами, лесами, за тысячью верст, —
Заходи поскорей!
Мы дождемся весенних, раскатистых гроз
У лесных пустырей.

Мы приучим себя к забытью, к тишине —
Для преданий и книг.
Мы услышим, как бьется в снегах, в полусне,
Изначальный родник, —

За горами, лесами, за тысячью верст,
У лесных пустырей...
Мы услышим, как в двери скребется мороз
В полусвете ночей

И как стонет от стужи и стынет лоза, —
И не будем скорбеть,
Чтобы в сумрак полярный, в немые глаза,
Не робея, смотреть...

1960

Спой мне, спой, Прокошья,
Что луга не скошены.

М. Исаковский

Истопил камелек. Хорошо!
Что же! Значит, не все поутеряно.
И сижу я в тепле — корешок,
Не умерший в снегах, под метелями.

Что за скрипы в морозных снях?
Что за вздохи печные, глубокие?
Или вновь загрустили о нас
Журавли за морями далекими?

И какой ты увидела сон
В эту ночь суматошную, снежную?
Что же! Встань, заведи патефон,
Запусти эту песенку нежную.

Пусть в окошко заглянет капель,
И в снегу просинеет пролужина.
Убери, как и прежде, постель
В свое прежнее, девичье кружево.

И поверь, что не все отошло,
Что снегами не все запорошено...
И зовет нас опять за село
Зацветающий голос Прокошиной.

1961

ЧАЙНАЯ, ЧАЙНАЯ...

Чайная,
Чайная —

Место не случайное.

Это место всем известно

И у всех на виду.

И под Вязьмой и под Брестом

Я всегда его найду.

А в селе, селе районном,

В нашем царстве многозвонном,

На земле, земле Тверской —

Славен сей приют казенный,

Многолюдный, разбитной.

А сегодня — день такой:

В клубе слет предпосевной.

Оживление года.

И поэтому в чайный

Уймища народа...

Мы зайдем сюда, товарищ,

Все тревоги — на засов.

Мы с тобою в клубной зале

Просидели пять часов.

Столько прений, выступлений

О завозе удобрений,

О ремонте тракторов!..

К черту все!.. Денек весенний.

Мы свободны. Будь здоров!

Снеготал во всей красе.
Примечай, коллега:
Загремела на шоссе
Первая телега.

.

Ой, пароду, ох, пароду!
Гул подобен ледоходу.
Ой, столы, столы, столы!..
Ходят печи и полы.

Кто играет, кто поет, кто покрикивает,
Старый хрен какой-то ложками постукивает.

Вижу Сеню Горчака
И Андрейку-печника.
— Эй, соколяки!..—
Не слышат:
«Разговляются».

Чайная, чайная,
Кутерьма отчаянная.

Хорошо бы у окна
Примоститься к столику.
Ой, весна, ох, весна —
Только для историков!

Расцветают кумачи
Над простыми хатами.
Громяхают тягачи
С белыми фосфатами.

За окном — тягачи.
Ну, а тут — скрипачи:
«Чтобы лето было теплое,
Не сухое и не мокрое...»

Кому песня, кому чтиво,
А вон там, за кружкой пива, —
Озабоченный
Уполномоченный.

За спиною разговоры:
— Что купили! Дрянь моторы..
— Да-а... всучили МТС...

— А куда ты, братец, лез!..

— Не горюй, детка:

Нынче семилетка!

Скрипачи скрипучи

Как на праздничке.

Эй вы, братцы мои,

Кукурузнички-и-и!

А народу, а народу!

Гул подобен ледоходу.

Ой, столы, столы, столы!

Ходят печи и полы.

Чайная, чайная...

Место не случайное.

1962

* * *

От всех скорбей и дум печальных,
От всех заноз
Даю рецепт универсальный:
Не вешай нос.
Вставай, как прежде, спозаранок
Всегда, везде,
Бери топор, бери рубанок
В любой беде.
А если больно не на шутку —
Совет даю:
Сложи веселую погудку
Про боль свою.
Ты только помни, только помни
За смелой днесь,
Что с каждым днем земле огромной
Ты все нужней.
И на великое бесславье
Врагам твоим
Ты развернись большим, державным
Плечом своим.
И будут бревна, будут бревна
Греметь и цеть,
Чтобы врагам твоим бескровным
Не зря шипеть.
Ты только выйди спозаранок
К заре, звезде,
А твой топор и твой рубанок
С тобой везде.

1960

А это всегда я имею в виду,
Когда через луг по ромашкам иду:

Что эти ромашки и эта земля
Живут, свою плоть меж собою деля, —

Друг друга питают, и соль свою пьют,
И в песенке пчел через год запоют.

И в эту работу цветов и земли
И прежние пчелы и травы пошли,

Пошли снеготалы — и снова пойдут,
И предки мои — обязательно тут;

И сам я и ты через годы, потом,
В живые круги мирозданья войдем.

И дальний потомок — забавный Адам
Вот так же рукою притронется к нам.

А мы с тобой будем — земля и трава.
И скажет потомок такие ж слова:

Что вот, мол, какие ромашки цветут,
И предки мои — обязательно тут...

А мы загибаем, задрав стебельки,
Что гибели вету, а смерть — пустяки.

1962

И вновь кладбище. Сосны и трава.
Ограды. Плиты. И цветы кипрея.
И жалкие надгробные слова,
Что не прочтешь без страха, не краснея.

И только слышишь — скрипнул коростель.
Да чуешь гул со сводов мироздания...
И вот — стучит бесменная капель:
Ни песни. Ни отчества. Ни званья.

1962

В долинах пестрели зацветшие злаки —
А мы уходили.
В просторах шумели прохладные реки —
А нас провожали.
Тревожная песня. Военные годы.
Солдатские взводы.
В долинах пестрели зацветшие злаки —
А мы уходили.

Над нами стояло высокое небо —
А мы не смотрели.
За нами кричали задорные птицы —
А мы не слышали.
Тогда ведь с тобою мы были солдаты.
Ты помнишь? Солдаты.
Над нами стояло высокое небо —
А мы не смотрели.

В ночах загорались прекрасные звезды —
А мы воевали.
В лугах дожидались покосные песни —
А мы умирали.
Карпатские горы, дунайские воды,
Бок, переходы.
В почах загорались прекрасные звезды —
А мы воевали.

Но в травах горящих и в лавах кипящих
Мы к жизни тянулись
И в каждой пещере, бросаясь на зверя,
Людьми оставались.

И снилось нам это бессмертное лето
Из грома и света,
И в травах горящих, и в лавах кипящих
Мы к жизни тянулись.

Пускай же пестреют зацветшие злаки —
Мы все их покосим.

И что нам от крови багряные реки?
Ведь мы их не просим.

За снежные горы, за теплые воды
Кочуйте, восходы!

Пускай же пестреют зацветшие злаки —
Мы все их покосим!

1960

Я ВЫШЕЛ ОТТУДА...

Я вышел оттуда, где знают простейшие вещи,
Где любят стамеску, топор, и лопату, и клещи,
Где плёсы не плещут без весел, мостков и причалов.
Я вышел оттуда, где все можно делать сначала.

Я там проживаю, где зреют поля и покосы,
Где воду в сады подают ветряные насосы,
Где с красной зарей через поле ползут агрегаты
И следом ложатся весны голубые квадраты.

Я песни пою и ночью в пастушьей палатке,
И к небу летят мои думы, и сны, и загадки.
И кажутся звезды пылающим пультом вселенной,
И чую зарниц пробегающий ток переменный...

Горячее время. Покосы, покосы, покосы.
Жужжит самолет, опыляя, как шмель, медоносы,
И в мареве трав задремали поречные скаты...
Я вышел отсюда. И начал — ты помнишь? — с лопаты.

За годами годы — и Русь моя вся под антенной.
Горят на экране, звенят позывные вселенной.
Готовь же свой парус туда — к запредельным причалам,
Чтоб выйти, коль надо, опять с топором и кресалом!

1961

РЫБКА ПРЫГАЕТ...

1

Над речонкою —
Ивы тонкие.
В речке — камешки
И кусты.

Чу! За плавнями —
Всплески звонкие:
Рыбка выскочила
Из воды!

2

Ветер с облака
Еле спешится,
Тростничок едва
Шелестит.

Рыбка прыгает,
Рыбка тошится,
Скачет к солнышку
И блестит.

130

Зной колыхнется —
Весь в иголочках,
Рыбка выплеснет —
Ой, жара!

И кричит по ржи
Перепелочка:
«Время полдника!
Спать пора!»

1960

МЕЛОДИЯ ВЫСОТНЫХ ПУСТЫНЬ

Над сушей и морем, по звездам
и зорям...

Шелли

Как детская песня, как дым над трубой,
Как дым над трубой,
Душа улетает в покой голубой,
В покой голубой, —
К далекому свету, к тому ли лучу,
И песня уходит, и сам я лечу,
За ними лечу.

Сверкают антенны, плывут облака,
Плывут облака.
Земля под ногами — и так далека!
И так далека!
Душа улетает в мерцающий свет —
И нету своих, и чужих уже нет:
Мерцающий свет!

За тучкою тучка — дорогой своей,
Дорогой своей,
Как белое стадо гусей-лебедей,
Гусей-лебедей,
За островом белым другой островок...
И сам я мерцаю, как белый дымок,
Как белый дымок.

А в наших долинах курчавится хмель,
Курчавится хмель.
И я проходил там — веселый, как Лель,
Горячий, как Лель.

Зачем же теперь я — в пустыне такой
И сам проплываю, как тень, над собой,
Как тень, над собой?

Родимое поле! Далекая мать!
Забывтая мать!
Заблудшего сына верните опять,
Пригрейте опять!
И травами ночи, и птицами дня
Из мертвого плена спасите меня,
Раскуйте меня!..

За тучкою тучка — дорогой своей,
Дорогой своей.
А что мне сиянье бесплотных лучей,
Бесплотных путей?
Пусть ветер ударит, и гром запоет —
И дух мой на землю дождем упадет,
Дождем упадет!

1961

Люблю я слушать голоса земли
В постели утром, в лени полудремнои...
Вон где-то там, под окнами, шмели,
Гудят, бормочут, как деды на бревнах.

А вот к реке проходит ребятига
И все о чем-то громко митягует.
А там — с дороги — ржание коня,
И грузовик ревет, — видать, буксует.

Дожди прошли, великие дожди —
Земле на полях, шоферам па муку.
А ты пока за шторку не гляди,
Жизнь принимай по запаху, по звуку;

Лежи в постели — в полувласти грез
И всомнивай неведомое что-то.
Пусть гуд шмели и рокот дальних гроз
Придут к тебе сквозь дым полудремоты.

И ты услышишь мир как в первый раз
Таким, как в детстве слышать приходилось.
И будет он прекрасен без прикрас,
Какого, может, и во сне не снилось.

И сам ты будешь слухом той земли,
Чей тихий вздох ты чувствуешь под собою,
А речка та, и травы, и шмели
Окажутся в сообществе с тобою...

Не упускай мгновений дорогих
И слушай мир сквозь дым полусознанья.
Да будет слаще сладостей иных
Великая мелодия спянья!

У РЕКИ, У ЛЕСКА...

У реки, у леска, на крутом берегу
Утонула деревня в глубоком снегу.

Только дым из печей да сугробные лбы,
Водокачка у фермы да с гудом столбы.

Да скрипучий мосток в снеговой пелене,
Да уселась ворона рядком на сосне.

Перезвон проводов. Тишина. Забытье.
Это сказка моя или детство мое?

Закружится метель — да в лесок с бережка.
А во рту у вороны — кусок пирожка.

То не притча ль живая из книжки родной?
Пирожок, пирожок, запашистый, мясной...

Уж и где ты, кума, раздобылась таким?
У мальчишки, наверно, с портфелем худым:

Утром в школу бежал да валялся в снегу,
Да кусочек тебе подмахнул на бегу.

Заправляйся, кума! Да смотри — поскорей
Здесь немало хитрющих и птиц и зверей.

Вон — лиса через речку ползет на брюшко,
Утром снился ей сон о таком пирожке.

Подползла — и звучит и поет голосок:
«Подскажи мне, кума, как пройти на лесок!»

Но ворона теперь — уж не та простота,
Много знает всего про лису, про кота.

И кусочек такой примостивши на сук,
Отвечает: «Пройдешь через поле, мой друг».

Залясала метель — и в лесок с бережка...
А во рту у вороны — кусок пирожка.

И вадыхает лиса. И стоит, как во сне.
И колыхается илей на белой сосне.

Перезвон проводов. Тишина. Забытье...
Это сказка моя? Или счастье мое?

1962

«Эй вы, у-лоч-ки,
Переу-лоч-ки...»

Что за хрен такой на прогулочке?
Полунынная бестия, в дым борода,
Заводила, чудила, шальява.

Матюгами швыряет туда и сюда.

Ой ты, Савва!

Не по всей ли Печоре пропосится слава,
Забубенная слава твоя?

Ты с чего же опять расхотился, шальява?

Вся деревня от страха — под крышкой «Устава».

Мать моя!

Тот «Устав», знаешь сам, — не колхозный,
Староверческий, очень грозный.

Тот «Устав» сотворил сам отец Аввакум

Во спасение древлего нрава.

Ой ты, чертова дылда! Умерь же свой шум,

Прекрати свой охальный шурум да бурум!

Что ты, Савва?

«Эй вы, ул-лоч-ки
Переу-лоч-ки!

Что у господи Христа

В карау-лоч-ке?

У него графин мадеры

И закуска из лося.

Заходите, староверы,

Приложи-те-ся».

А кругом — только черные, скитские ели,
Только ели, куда ни качнись.
Сколько раз у дворов бунсвал ты, Савелий, —
А тебе — лешаку — попадись!
Ты всю Пяжму колеблешь во гневе и громе:
«О, лукавое племя святош!
За молитвою — снох перелаят в соломе,
За свечою — убьют ни за грош».
Ты и сам за «Четьями» гуидосил когда-то
И «Уставом» хранил старину.
Но однажды, застав на постели у брата,
Зарубил староверку-жену.
И пошел ты, изгой, по местам пересыльным,
И прошел через пять лагерей.

.
Дует ветер над Пяжмой — косматый и сильный —
От больших ледовитых морей.
За таежные гривы, за дальние сплавы —
Самолеты да крик воронья...

Ты с чего же опять расходился, шаялява,
Громыхаешь, как с неба Илья?

«Эй вы, ироды, изуверы,
Всерасейские староверы!
Покидайте, шельмы, кварталы.
Что засели по избам, как в дуплах сычи?
подавайте от божьего рая ключи!
Сволочи! Иудины дети!
Провонили от рыбьей свечки,
В депутатах сидят в сельсовете».

И в матерый кулак засвистит старичина
У иного окна.
Впрочем, есть и на это сегодня причина:
Убежала вторая его половина,
А вернее — уж третья жена.
Заводется ж такое на фронте семейном!
Только б жить человеку да петь,
А приходится так, что в пылу нешутейном
Иvloмаешь и печку и клеть.

И запил старикан — без конца и без меры,
И пошел на дыбах — медведем.
А виновники — кто? Да опять староверы:
Запугали бабенку врагьем.
И грохочет Савелий: «Хамье! Фарисои!
Изуиты! Кобылий навоз!
За кутьей поминают царя Алексея,
А на господа бога — донос».
И затянет псалом о местах пересыльных,
О решетках пяти лагерей...

Дует ветер над Пижмой — косматый и сильный —
От больших ледовитых морей.
А кругом — только черные, скитские ели,
Только ели, куда ни качнись...
Самолеты летят. И в таяжные прели
Молодые стрелки подались.

.

«Эй вы, у-лоч-ки,
Пере-у-лоч-ки!
Что у господа Христа
В карау-лоч-ке?
У него графин мадеры
И закуска из лоси.
Заходите, староверы,
Приложи-те-ся!»

1

И вот я каждому скажу,
Скажу открыто, не робей,
Что с детства ненависть пошу
Ко всем запечным скоробоям.

И мудрость скопческой души
Не признаю хотя б за это,
Что все скопцы и торгашни
Хотят убить во мне поэта.

2

И я в такой сидел набе
И по таким гулял посадам,
Где в тараканьей ворожбе
Замшели песельные клады.

И только солнце с высоты,
Казалось, искренне скорбело
За все умершие цветы,
До коих не было здесь дела.

3

И вот я дожил до седии
И проношу лишь тень былого,
Где в недрах отчих паутины
Лежит моя первооснова,

Где поклонялся в ночи
Тому единому божинке,
Что от небесных врат ключи
Держал в их собственной кубышке.

1962

МАЙСКАЯ ПЕСЕНКА

Призываю! Призываю!
Звонко такты выбиваю,
 В барабанчики стучу:
Выходите, выходите —
К ветерку, цветку, раките!
Я вам что-то обещаю —
 Петь и плакать научу.

У криницы, из криницы
Мы напьемся, брат, водицы —
 Той, что чище хрусталя.
Мы сорвем цветочки эти,
Будем ласковы, как дети,
Простодушны, как синицы,
 И премудры, как земля.

Посмотрите! Посмотрите!
Сколько жизни, сколько прыти
 В каждой мошке и зверьке!
Я вас тоже приглашаю
К золотому караваю, —
Это — солнце, — посмотрите! —
 А не дядя в гамаке.

За леса, леса, овраги,
Где не ждут скопцы и скряги,
 Где ни скуки, ни грызав!
Эй, сюда, сюда, подруги!
Через буги, через вуги!

Где там сумки и баклаги?
Что за птицы! Что за дни!

Призываю! Призываю!
Звонко такты выбиваю,
 В барабанчики стучу:
Выходите, выходите —
К ветерку, цветку, раките!
Я вам что-то обещаю —
 Петь и плакать научу.

1962

Какие ветры прошумели!
Какая ночь тогда была!..
В какой же давней колыбели
Деревня отчая спала!

Ни проводов, ни чутких раций.
Спала — и видела во сне
Флажки окрестных «капераций»
И что там есть, в какой цене?

А ночь свистела и кричала,
А что — попробуй, дай ответ.
Спала деревня — и не знала,
Что суждено ей в смене лет.

И что нам завтра на рассвете
Вострубят трубы лебедей?
Мы спали праведно, как дети,
В качалке матери своей.

И кот урчал в хозяйский ворот
И не поведал никому,
Что жизнь идет в крутую гору,
Зарывшись в пасмурном дыму.

И сколько всякой перемены
Земле придется испытать!
И не сумеют эти стены
Пред бурей века устоять.

И только волны ржей колхозных
Заговорят со всех сторон.
И я замру здесь перед грозной
Неумолимостью времен.

И обойду кипрей высокий
И встану тихо у пруда,
Где в самой девственной осоке
Не пошелохнется вода...

1963

У меня давно уж сбиты руки,
И пропах я хлебом и землей.
Слышите ль, потомки, эти стукки?
Это я работаю пешней.

Это я — веселый и ворчливый
И желатель всякого добра,
Устроитель жизни особливой,
Рядовой со скотного двора.

У меня в краю комфорту мало:
Снег да снег — упорный, затяжной,
И мороз такого, брат, накала,
Что и двор заходит в плясовой!

И тогда в загонах на рассвете
У меня в руках — тяжелый лом,
И долблю, долблю я штуки эти —
За промерзшим комом новый ком.

И грохочут конские маклышки,
И под сталью, бьющей до конца,
Зацветают огненные вспышки...
И теплеют зябкие сердца.

И над смертью дышит Мировданье,
Полное колосьев и травы...
И све да будет оправданьем
Для моей безвестной головы.

И снега протягивают руки
К паводкам, идущим, как прибой...
Слышите ль, потомки, эти стукки?
Это я работаю пешней!..

Как людей убивают?
 Как людей убивают?
 Никогда я не видел, как людей убивают.
 Не крутился я в бандах, и на войны не брали,
 И в застенки меня палачи не бросали,
 И пред смертью не звал я молодого Орленка,
 И на землю гляжу я глазами ребенка.
 Только травы мне шепчут да колосья кивают,
 Точно сами собой все друзья умирают.

А ведь где-то, когда-то, и с кем-то, и кто-то
 За меня выполняет эту злую заботу,
 И с железною властью бойца и солдата
 Сам он грудь открывает под прицел автомата
 Или душит кого-то в промозглом кювете...
 Это все ведь бывает у нас на планете.

Это явь или бред полоумного скальда —
 Эта страшная песня про звон Бухенвальда?
 И сегодня мне снилось:

среди дымящихся свечек

Голосили младенцы из газовых печек,
 Голосили младенцы и звали кого-то...
 И проснулся я с криком среди тяжкого пота,
 И вскочил я — безумный — при месячном свете,
 И прислушался тотчас: как спят мои дети?

А в полях мне все слышится звон жаворонка,
 И гляжу я на землю глазами ребенка...
 О, страна моих предков! Земля дорогая!

Это что же? За что же мне милость такая?
И в каком же стоять пред тобой мне ответе —
На такой вот сырой и жестокой планете?
Только травы мне шепчут да колосья кивают,
Точно сами собой все друзья умирают.
И хожу я под говор ленивого шмеля,
И пою свои песни вот на этой свирели,
И цветы отвечают кивками участия...
Это что же —
И есть настоящее счастье?

1965

А. Прокофьеву

Старый дуб,
Старый дуб,
Голова с плешинною!
Кто пошил тебе тулуп
С белой овчиною?
И стоишь ты на горах
В горпостаях-галупах,
Шапка тоже на меху...
Приглашай на уху!

Ой, тулуп, ох, тулуп,
Красные разводы!
И стоишь ты, старый дуб,
Вроде воеводы.
И газуют шофера, —
Эх, мороз — малина!
И кричат тебе: «Урал»
Важный старичина!

И стоишь ты наверху,
Опершись на ольху.
Кабы мне такую шубу —
Олонецкую доху, —
Чтобы в качестве такого
Я протелся по Москве,
Чтобы критика Туркова
Я упрятал в рукаве.

Вот какая шуба
Из деревни Шума.

1962

Я припадал к началам рек
У тех завидных мест,
Где всё в натуре — дождь и снег
И над сугором шест.

И в каждом русле и кусте
Искал я жребий свой,
А солнце прямо на шесте
Горело падо мной.

И открывалась на ходу
Любая глубина,
Поскольку в мире в том году
Закончилась война.

И я искал твои следы,
Ровесник мой и друг,
А ты стал песенкой воды
И памятью подруг...

И вот из глины и костей
Глядят твои глаза,
И вновь над совестью моей
Проносится гроза.

И зацветает мой тростник
Цветками той весны,
И пробивается родник,
Какому нет цены.

И пусть любя дребедень
Заварится в дому,
А я солдатский твой ремень
Для помощи возьму.

И пот кричит моя строка:
Да расточится дым!..
А в сердце — песенка рожка,
Идущая к живым...

И ядохну в нее огнем
И прахом закляну...
А если буду родником,
То жизнь тебе верну.

1965

СКРИП МОЕЙ КОЛЫБЕЛИ

Скрип моей колыбели!
Скрип моей колыбели!
Смутная греза жизни,
 Зимний покой в пабе.
Слышу тебя издалёка,
Скрип моей колыбели,
Помню тебя изглубока,
 Песню пою тебе.

Сколько прошло морозов!
Сколько снегов промчалось!
Сколько в полях сменилось
 Пахарей и гонцов!
Скрип моей колыбели!
Жизни моей начало.
Скрип моей колыбели!
 Думка моих отцов.

То ли гудок пастуший,
То ли поход вчерашний,
То ли моих кормилиц
 Голос в ушах стоит...
Скрип моей колыбели!
Вымах отцовской шапки.
Скрип моей колыбели!
 Звон боевых копыт.

Сколько снегов промчалось!
Сколько дождей пролилось!

Сколько опять — в коренья,
Сколько опять — в зерно!
Грозы прошли над миром,
Древо отцов свалилось —
И на сыновние плечи
Прямо упало оно.

Пусть же на тех погостах
Грустно поют свирели,
Пусть говорят на струнах
Ветры со всех сторон.
Пусть же послышится в песне
Скрип моей колыбели —
Жизни моей человеческой
Благословенный сон.

Скрип моей колыбели!
Скрип моей колыбели!
Древняя сказка прялки,
Зимний покой в избе.
Слышу тебя издалёка,
Скрип моей колыбели,
Помню тебя изглубока,
Песню пою тебе.

СЕРЕБРИТСЯ ПРУДЫ

Что ни ночь, то луна. До рассветной звезды
По окрестным лугам серебрятся пруды.
Серебрятся пруды.

Где-то крикнет петух. Где-то скок табуна.
А в заснувшем пруду серебрится луна.
Серебрится луна.

Зеленеющий луч. Замирающий мрак.
А в селе за бугром — перебранка собак.
Перебранка собак.

Пролетают созвездья. Гудят провода.
За столбами столбы. За годами года.
За годами года.

Заглянул огонек. И в ложбняке исчез.
А вверху, на свету, — холодеющий лес.
Увядающий лес.

И стою в стороне — под горой, под луной,
И считаю гусей, что летят надо мной,
Голосят надо мной.

А в селе, за бугром, притомился народ.
Только в рельсу дежурную сторож пробьет,
Аккуратно пробьет.

И под веским ударом проснется чугул.
А вдали, по толоке, проскачет табун,
Передрогший табун.

Зеленеющий луч. Замирающий мрак.
А над вышкой дозорной краснеет маяк,
Журавлиный маяк.

Пролетают созвездья. Гудят провода.
За столбами столбы. За годами года.
За годами — года.

1966

ПЕСНЯ О ДЕРЕВНЕ БЕЛАВЕНКИ

Как треплют леп,
Как треплют леп
Зимой у нас в Белавенках!
А мы споем, как треплют леп
И ходят в старых валенках.

Покуда снег не выпадал,
А стужа прибавляется.
Покуда слов не подыскал,
А песня зарождается.

И вдруг
закутались дворы
В сугробные одежкины.
А сверху красные боры
Укрыли нас рогожами.

И вот у нас по всем ночам
Идут бои гусярные.
А по дворам,
А по дворам
Горят огни фонарные.

Горят огни во всех дворах
Да при стальной запалочке.
А там —
Лепок уже в руках.
Звонят и ходят скалочки.

И только
Пыль со всех сторон,
Кострика в нос врывается.
И свящет лен,
И пляшет лен,
А гусяры стараются!

У нас покуда не скопцы,
А всё певцы бывалые.
У нас покуда есть трепцы —
Потомственные малые!

У нас краса — всему закон,
И в этом — брень мудрости.
И наши скалочки — фасон,
А не предметы скудости.

Горят огни у всех ворот.
Дымится шней с провода.
А мы покрепче сварим мед
И не боимся холода.

И что за хлопцы тут в ряду
С премудрыми старушками!
И лен — седую бороду —
Зима восславит пупками.

А ты завейся, мой кудерь,
Над струнною былиною.
Да будет песня — что кудель
С красою лебединою!

И что нам рыться в словарях
Да при такой смекалочке?
У нас все избы — в гусярах,
А трудодни — не «палочки».

У нас весною все плеса
Из наших песен сложены.
А сверху — красные леса,
Где тропы не псхожены.

И только песню позови!..
А деревенька — маленька...

И вот всю ночь,
Как соловьи,
Поют по снегу валенки.

Поют по снегу «соловьи»,
По самой первой замятке.
Они ведь тоже тут свои
И слышат нам без памяти.

У нас такое — как закон.
И всё к тому склоняется...
А впрочем, кажется, —
Пардон!
Пусть песенка
Ковчается.

1986

Виоградие да зеленое,
Красноспелое, все в кистях.
У тебя изба рахваленная —
Да на ста золотых столбах.

Да на ста столбах да на тысяче, —
Семпцветный скат под резьбой.
Только песенки, только причеты
Да с калиточки расписной.

А на крыше такая мельница —
Серебро на каждом крыле!..
У тебя жена — рукодельница, —
Соловейко поет в игле.

И пропзает холсты белые
Искрометною трелью нить...
У тебя — изба расхваленная,
Так позволь еще расхвалить.

Дай под грядочку стать брусую
И сей круг положить навек:
Чтобы в сени твои кленовые
Не врывались ни дождь, ни снег.

Чтоб на печке вновь и на карженке
Задремал золотистый хмель.
Чтобы в каждой заборной скважинке
Помещалась моя свирель.

Чтобы детки твои ученые
Гарцевали на злых конях...
Виноградие да зеленое,
Красноспелое, все в кистях.

1966

Да, я звал тебя такою,
 Что даже в горе ликовал,
 И называл тебя книжною,
 И королевной называл.

Краса в цветочном сарафане!
 Жар-птица в злаках полевых!..
 Таких рисуют палешане
 На всяких ларчиках своих.

И вот опять — в твоём селенье
 И за твоим сажу столом...
 Как будто майское цветенье
 Смахнула ведьма помелом!

И вместо птицы, полной чуда, —
 Хлопочет квочка у ворот.
 И все-то адак: про посуду
 Да про капустный огород.

А за окном — такие плесы,
 А где-то — в громах города...
 А у тебя в глазах белесых —
 Давно заглохшая вода.

И я б всю землю расцарапал
 И грохнул в небо кулаком!
 А вот сажу и рюмку — с криком!
 И говорю: «Куда с добром!»

И уйду — совсем не гневный,
 А только так — душой скрипя,
 И стих про мертвую царевну
 Жую губами про себя.

1966

Завершились военные споры,
Перестали тревогу трубить...
У какой-то мудреной конторы
Я взялся огурцы сторожить.

Не давал я в те дни «сабантуя»
И не фабриал гвардейских усов.
И вернулся я к миру вчистую
Из далеких уральских лесов.

Походил я в разливы по слалавам,
А в морозы кряжи кряжевал.
Не пышна, разумеется, слава,
Да ведь тоже — победу ковал.

Далеко еще отчая хата.
Да и что там? Реней над бугром...
Ну, а тут — и приют и зарплата,
Огурцы и картошка притом.

Знай все лето наигрывай в дудку,
Да чтоб вор не забрался в грядку!
И построил я строгую будку
У хозяйства всего на виду.

Что за будка! Из новой фанеры.
И флажок наверху — огоньком.
И всю ночь многозвездные сферы
Говорили со мной о своем.

Говорили, и поели, иплыли,
А за речкой скрипел коростель.
И тогда, потихоньку, не ты ли
На мою приходила свирель?

И садилась к дымку понемножку.
Доставала какой-то чурек.
И такую покли мы картошку,
Что иным не приснится вовек!

И такие там песонки спеты,
И такой отвечал коростель!..
Дорогая! Красивая! Где ты?
И какою ты стала теперь?

1966

Что с того, что жизни мало,
Что она для всех — как милость?
Уверю, что иначе
Жизнь бы вовсе не ценилась.

Посмотрите: сле-сло
До полсотни доживаем,
А уж солнышку не рады
И в глаза ему чихаем.

1966

Где-то есть космодромы,
 Где-то есть космодромы.
 И над миром проходят всесветные громы,
 И, внезапно падав ураганные гамы,
 Улетают с земли эти странные храмы,
 Эти грозные стрелы из дыма и звука,
 Что спускаются кем-то с какого-то лука,
 И вонзаются прямо в колпак мироздания...
 И рождаются в сердце иные сказанья:
 А все это Земля, мол, великая Гей,
 Посылает на небо огонь Прометей,
 Ибо жизнь там темней забайкальского леса:
 Даже в грамоте школьной никто ни бельмеса.

А в печах в это время, у нас в деревнюшке,
 Завывают, как ведьмы, чугунные вьюшки,
 И в ночи, преисполненной страшного света,
 Загорается печь, как живое магнето.
 И гашу я невольно огонь папироски,
 И какие-то в сердце ловлю отголоски,
 И скорее иду за прогон, к раздорожью,
 Где какие-то спектры играют над рожью,
 А вокруг силовые грохочут органы...
 И стою за бугром, у знакомой поляны,
 А в душе, уловляющей что-то и где-то,
 Голубым огоньком зацветает магнето.

И знакомый электрик из города Кромы
 Повторяет одно: «Это есть космодромы».

А у нас по деревне — всё те же порядки:
У свекровок все спохи до сладкого падки,
А свекровки у спох — дергачи и удоды:
И всё так же — умрем за свои огороды!
А в зеленые дни, за бугром на поляне,
Как и прежде, горластые пляшут цыгане...

Только местный философ из города Кромы
Повторяет одно: «Где-то есть космодромы».

И, внезапно издав ураганные гамы,
Вдруг шибается небо в оконные рамы,
И летят кувырком, с косяками и цвелью
Эти все пошехонские наши изделия.
А вокруг, испуская все то же свечение,
Как штыки, стояком замирают растенья.
И дрожат, как в ознобе, подъемные краны,
А в полях силовые грохочут органы.
И старушки в очках, те, что учат по книжкам,
Говорят

из-за парты вскочившим детишкам:

А все это Земля, мол, великая Гоя,
Посылает на небо огонь Прометея —
Эти грозные стрелы из грома и света...
Успокойтесь, родные.
И помните это.

Лукавый Змий! И ты вкушаешь сдобники,
И ты в наш век — почтенный гражданин.
И под навесом райского шиповника
Ты гарбузóm торгуешь, сукин сын.

А твой Адам давно забросил скинию
И стал во всем с превышним паранно —
И даже сможет небо вечно синее
Поджарить, как яичницу, на пне.

1966

РАДИОЛЫ

За стеной, у соседей, гремит радиола...
Эта — свадебный гимн заводского Эола.

И по всем городам, деревням и предместьям
Завели эту песню па грома и жести.

И ребенку, что дремлет в красивой коляске,
Мы давно уж кладем портативные сказки —

Заводное «баю» в говорящей коробке.
И везем по лесной предначертанной тропке.

И все наши кусты, соловьи и свирели ■
Перед гласом таким уж давно присмирели.

И кричат нам «ау!» столбяные эолы...
Ибо так говорят и поют радиолы.

1965

КТО С НАМИ?

Кто с нами за вошине плуги?
Кто с нами?
Кто с нами да к ясному солнцу?
Кто с нами?

Кто с нами разуется в поле?
Кто с нами?
Кто с нами — по рыхлой земельке?
Кто с нами?

Кто с нами за вольную песню?
Кто с нами?
Кто с нами за русское слово?
Кто с нами?

Кто с нами засеивать пашню?
Кто с нами?
Кто с нами на добрую славу?
Кто с нами?

1966

Забытые вехи, заглушенные дали
 Давно прожитого,
 Да грубый осколок музейной пиццали,
 Да чье-нибудь слово.

Да где-нибудь там, за дымками овина,
 В лесном сельсовете,
 В соломенных снах шевельнется былина,
 Усидутся дети.

И скажет старик в самодельной рубаше,
 За пологом дыма,
 О грубом тевтоне, о бражкинке ляхе,
 О стрелах Касима.

И ржали, мол, кони, и прядали выюги
 Да во поле чистом —
 И гордая пани в сугробах Калуги
 Теряла монисто.

А солнце вечерним сквозит померанцем
 И вот уже снова,
 Что красная грива царя Самозванца,
 Горит из-за Пскова.

И скажет старик в песнотворном ударе:
 То — вещи знаки!..
 А ваши, мол, кости, князя и бояре,
 Грызут аурдалаки...

За пряслом овина, в лесном сельсовете,
Такое бывает:
Проснется былина, усядутся дети,
А день догорит.

Из новых колосьев, из древней печали
Завяжется слово —
И вот уже снова гонды прискакали
С пагорий былого.

И скажет старик в самодельной рубахе,
За пологом дыма,
О грубом тевтоне, о бражнике ляхе,
О стрелах Касима.

1965

За пылью ханского пабега,
За громом польских батарей,
Ушла последняя телега
Славянской древности моей.

И вот острее запах глины
У той межи, из тех кустов —
И вдруг осело на бортины
Железной гарью рудников.

Дохнул огонь — и пчелы скопом
Упали замертво в траву,
И дед потопал в рудокопы,
Склопив премудрую главу.

И мертвым светом полоснуло
Из тех глубин, от тех пород.
И уж не Рюрик бил по скулам,
А свой же Кузька — обормот.

И гаркал: «Знай такое дело!»
И мы узнали кое-как.
И наша кровь закаменела,
Как тот угрюмый железняк.

И на славянские холстины
Он падал так, что будь здоров!
И лишь гудели наши спины
С железным скрипом костяков.

И мы кричали: «Сдюжим, други!»
И мертвых клали на мостки...
А наверху, по всей округе,
Звучали медные гудки...

1965

СТИХИ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ

Для меня ты, брат, совсем не книга,
И тебя я вспомнил неспроста,
Рыжий плут, заносчивый расстрига
И в царях — святая простота.

Мы с тобой — одна пазконь-рубаха.
Расскажи вот так, без дураков:
Сколько весит шанка Мономаха
И во сколько сечен ты кпатов?..

За цветными окнами столетий
Что там где — пойми издалека!
Да и нынче — столько вас на свете
Поджидает царского пайка!

Забывают — кто отец, кто мама,
И не лучше ль сеять, чем хватать?
А ведь ты бы, Гриша, скажем, прямо,
Мог бы просто — песенки играть.

И ходил бы с клюквой на базаре,
Да из лыка плел бы лапотки.
А тебя вот псиные бояре
И зарубили прямо на куски.

Только всё ж — за дымкой-невидимкой
Ты уж тем хороши, приятель мой,
Что из всех, пожалуй, проходимцев
Ты, ей-ей, не самый продувной:

ЗА ПОЛЯ ЯРОВЫЕ

За поля яровые,
За далекий покос
Голоски ветровые
Снова полдень унес,

За дуга, за прополку...
И опять вокруг меня —
Только солнце да пчелка,
Зеленя, зеленя.

Да знакомый кустарник,
Загустевший вконец.
Да с колхоза «Ударник»
Проскакавший гонец.

Грохотнули копыта
Где-то там, по мосткам, —
И гряздой позабытой
Вдруг упало к ногам.

Задрожал подорожник
И сердито притих.
И стою — как безбожник
Перед ликом святых.

Где ты, прежняя тляга
Земляного родства?
И на гребень оврага
Поднимаюсь едва.

За косьбой, за прополкой,
Сколько вдаль ни смотри, —
Только синь, только елка
Да сельцо Грибари.

Да копёшки, да вемяк,
Да гривастая рожь...
А иных деревенек
И в трубу не найдешь.

Или в гривах косматых
Запронали на срок?
Или слыли когда-то
За тобой же, браток?

Пусть не так и не эдак,
Хоть и эдак и так...
И сидит во мне предок,
И мне кажется кулак.

Ах, Емеля, Емеля!
Это что ж? За кого?..
И стою, как тетеря,
Перед гневом его.

И душа моя — в стружьях,
А в словах — пустыря.
И стою, как преступник,
Перед гласом земли.

А земля по паложью
То нахмурится вдруг,
То искристою дрожью
Засмеется вокруг.

И пойдет через воды
То ли свет, то ли дым.
И душа, как под медом,
Золотится под ним.

Ой ты, власть моя — поле!
Коль вишневен — прости,
Дай хоть песенной долей
Для тебя процвести.

Пусть дуга не прокиснут
И хлеба не стоят.
И клянусь перед присным —
Уж ни шагу назад.

И слова, что лежали
Да под камнем глухим,
Подниму, как скрижали,
Перед светом твоим.

1965

Мой отец играл на мандолине,
Он играл, вздыхал да пел о том,
Как в саду, мол, в яголке-малине
Свет-княгиня зналась с пареньком.

Уж давно, бывало, спит селенье,
Свежим тмином пахнет тишина.
А мужик все так же, с настроеньем,
За кустом тиндличет у окна.

И такая вдруг забьется горечь,
И такой забуйствует подъем!..
Забредет сосед Кузьма Григорич —
И потянут песенку вдвоем:

Дескать, что ж ты, радость человечья?
Коротка ты, радость, у братков:
То поляжешь в поле под картечью,
То истлешь в глыбах рудников...

А в ночи, бывало, за избою
Голосят лягушки из коряг.
И певичы простятся, со слезою,
И добавят: «Грить твою растак!»...

И теперь вот с тем же настроеньем
Я и сам — с гитарой на порог.
И грущу о смолкших поколениях,
Истомленных нилью всех дорог.

Хорошо ль, папаша, в той долине,
Где и Вавька-ключник молодой?
А кажись — вот-вот на мандолине
Заведешь о брестской земной.

Ах, давно ль ходили и кричали
И дрались за сей подножный прах!..
А теперь и вспомнишь-то едва ли
О далеких ваших именах.

И такая древняя кручина
Задрожит в наклоне верболоз!
«Догорай, гори, моя лучина!» —
Это я пою. Ужель всерьез?

И такая вдруг забьется горечь,
Что хоть дуй об стеницу головой!..
Выручай, сосед Кузьма Григорич!
Да и ты, миляга, — был такой.

Ходит ветер в чистом поле,
А за полем ходит гром.
А в том поле чья-то доля —
Белый камень под бугром.

Ой ты, камень под горою!
Ты совсем не алатырь.
Только буйной головою
Кто здесь падал на пустырь?

И галопом скачет вихорь,
Закрывая белый свет...
Только холмик с облепихой,
Только пыльный горюцвет.

Или, может, под тобою —
Никого и ничего,
Только к вечному покою
Ждешь прихода моего?..

Ходит ветер в чистом поле,
А за полем ходит гром.
А в том поле чья-то доля —
Белый камень под бугром.

1965

За каждый вздох земного пребывания,
 За все, что с нами,
 Я заплачу безмерным прозябаньем
 В загробном хламе, —
 Среди костей и прочего такого
 Да в том закуте...
 И не припомню, как мычит корова
 И кричат ути.

И все пойдет без наших повелений
 И так же просто:
 Изложут гроб законы превращений
 И корни роста.
 И скажет крот: ни дна, мол, ни покрыш
 Идет леплохо...
 А где-то будут газовать мальчишки
 В кустах гороха.

А где-то будут свежие стропилы
 Гудеть под буюм...
 И вот спешу на громкие пастилы —
 К высотным бурям.
 Сниму картуз — и фартук из холстины
 Забьет в зените.
 И вот он, вот — мой клеткот лебединый:
 Живу — смотрите!

И я кричу вам, пажити и воды:
 «Люблю до гроба!»

И перед грозным фатумом природы
Не сброшу робы.
И так скажу: «Со сроками удара
Земля не пудит,
Поскольку здесь такого экземпляра,
Увы, не будет».

И скажет Рок: ни дна, мол, ни покрывки!
Изрек неплохо...
А я пойду на солнечные вышки
С кустом гороха.
Сниму картуз — и фартук из холстины
Забьет в зепите.
И вот он, вот — мой клетчат лебединый:
Живу — смотрите!

1966

СНИТСЯ МНЕ УТРО

Снится мне утро и домик у речки.
Мальчик, зажмурясь, лежит на крылечке.

Столько тепла и вольготного света!
Первая радость покосного лета.

Жмурится мальчик и сладко мурлычет.
К завтраку бабка давно его кличет.

Что ему бабка! Да пусть похлопочет...
Где-то в разливе косилка стрекочет.

Солнце щекочет. А мухи-то, мухи!
Сколько тут звону у каждой вострухи!

Сядут на стену. И тут же взлетают.
Дивную песню с дремой навешают...

Что же, клопёц! Потянись на крылечке.
Чу! Переборы знакомой уздечки.

Где-то брусок простучал о брусницу.
Все это — явь. И пока что не снится.

Где-то опять стрекотнула косилка,
Гуси шумят у речного развилка.

Чу! Запашок зацветающей гречки...
Что ж! Поленись, потянись на крылечке.

Годы промчатся — и вьюги простонут,
Громко простонут — и в дебрях потонут,

Зверь полуночный забродит, затрубит.
Вспомнишь, придешь — а крылечка не будет.

Годы промчатся — и станешь ты мною —
С этой вот трудной, седой головою.

Вспомнишь ты утро и домик у речки...
Как ты поплачешь о милом крылечке!

1966

Докосили всю рожь. И свезли яровое.
Загустел солодок на печи.
А в полях, за деревней, в прозрачном покое
Целый день табуняются грачи.

И к печеной картошке зовут огороды.
От рябины красно у дворов.
Что ж! Пройдем по лугам, и замерим зароды,
И составим балансы кормов.

Хорошо в эти дни за моей деревенькой:
И сугрев, и довольство, и мир.
Даже солнце вокруг стога махает саженькой,
Как заправский ржаной бригадир.

И проверит сонцо, а где надо — подсушит:
За свое и ему отвечать.
И не в силах пока бригадирка Таниоша
У светила саженьку забрать.

И застыла в сторонке — в таком ли покое!
А на свежих ометах — грачи...
Докосили всю рожь. И свезли яровое.
Загустел солодок на печи.

1966

Бубен!
Бубен!
Балалайка и гармонь!

Вступили в круг,
Притопнул каблук.
Заиграли плошки-ложки,
А мы ноголем пошли.

И пошли,

И пошли.

И пошли, пошли, пошли.

Эх, валенки!
Да моя стареньки!
Чоп! Чоп!
Не по чоп!
С подковырочкою!

Эй, круг, ты мой круг!
Дай пройтиться вдруг,
Чтобы двери —
Прямо к Твери!
Чтобы к Туле — ворота!

Ах ты Машенька!
Да ты нашенька!
Ты и так,
Ты и сяк.
Не ударься об косяк.
А сапожки каблучками
Разговаривают.

Эх, пол-доска!
Пропадай, тоска!
Ну-ка, Федя-избачок,
Раскрывай-ка сундучок!
Чтобы песонки оттуда
Раздавались!
Чтобы цветики на сердце
Распускались!

Эй, вы-ы-ы!
Люди-и-и!
Ходи, ходи-и-и!

Ах, ложки, звоночки,
Гудочки мои!
Где вы были-пропадали,
Голосочки мои?
Где вы были-пропадали?
Получайте-ка медали!
Чтобы снова приударили
Годочки мои!

Асса-а-а-а!

Ой, пух лебедей!
Что нам сто кораблей?
Что нам хата, что нам печь?
Ты, хозяйка, не перечь!
А пельзя ли в этой зале,
Чтоб дедки еще поддали —
 в дёжки,
 в лукошки?
А чекушки — начеку!
 Начеку!
 Начеку!
Начеку-чеку-чеку!

Эй, вы-ы-ы!

Сверчки-старички
Загумённые!
Доставайте медячки
Пенсионные!

Доставайте медячки
Да снимайте-ка очки!
Чтобы вспомнились дорожки
Разбуженные ¹.

Эхма-а-а!..

.
Бубен,
Бубен,
Балалайка и гармонь.

1966

¹ То есть от имени — Буденный.

А жизнь прошла. Закончены ристанья.
Исправим печь. И встретим холода.
И только смутный гул воспоминанья
Проходит вдруг по жилам иногда.

Он пронесется там, как в шахтах воды.
Промчится гул — и снова забытье.
И перед древним сумраком природы
Горит свеча — окопечко мое.

1968

* * *

Комарики-мухи,
 Комары.
Убегали девки
 За дворы.
Ай да ночка-темень!
 Благодать.
Что у них там было —
 Не видать.
А парнишки — тоже,
 Ох, воры!
Комарики-мухи,
 Комары!..
За кусты — к девчонкам:
 Ай та-та!..
Только нам не видно
 Ни черта.
А хромушки старые —
 Вослед.
Да ведь ночь такая —
 Спасу нет.
Комарики-мухи...
 Эка жись!
Только зря в крапиве
 Пережглись...
Комарики-мухи,
 Комары.
Положком закрыли
 Все дворы...

Только видел тополь —
Старина,
Да и тот не понял
Ни хрена.

1966

Всё лужки, да ямки родничковые,
 Да песок, да елки, да мосты.
 И пишу я грамотки толковые
 На кусках из лучшей бересты.

Хорошо та грамотка забелена —
 Дождевым да козьим молоком.
 А слова ящу, как здесь повелено, —
 Чеботки за правым за плечом.

Что за Русь! Посадская, бедовая.
 Столбовые села — напоказ.

И такая хваточка рисковая
 У царией, гульнувших ради нас!

И хожу пою, как здесь повелено, —
 Гусли — бор, а песня — вот она:
 «Ой да ты, густая можжевелина,
 Гой еси, благая сторона!

Свет ты матка, бурая медведица!
 Троскратно в пояс бью челом:
 Далеко ль до Снаса, до Нередицы?
 А до славы — сколько напрямком?»

И услышит бурая, крестовая,
 Поворчит и скажет простаку:
 «Ты иди погодкой вересковою
 Да держись поближе к сосняку.

Ты иди, загадочки загадывай,
 Жуи пирог, из речек воду пей.
 Ты иди, иди да песни складывай,
 Вспомнивай о милости моей».

Говорят — промчатся годы,
 и кругом померкнут воды,
 И восходы и закаты
 запакуются в багаж;
 И фатонные колчегги
 прорыдают в мертвом снеге,
 А потом за пылью Млечной
 промерцают, как мираж.

Где-то в числах и приборах
 возникают эти вести,
 И сквозь дебри всех наптий
 пробегают эти сны.
 И сегодня мне так грустно
 в этом парке, за предместьем,
 Среди всяких тут черемух
 невозможной белизны.

Сколько всяких тут черемух!
 Да не будь сегодня промах!
 Что ты в громах соловьиных
 прячешь ухо в рукаве?
 Говорят, что будет время —
 и последний здесь потомок
 Оглядится — и заплачет
 по утраченной траве.

Говорят, что грянут годы —
 и Земля поляжет в коды.
 Можно верить и не верить.
 Дыма нету без огня...

Ах, давно ль во мне звучала
дудка веселая природы?
А теперь вот — замолчала
и оставила меня.

И стою вот, провожаю
уходящий скрип телеги,
А душа моя и песня
что замасленный гараж —
Чу! космические теги
прокричали там — с Онеги,
А хвосты у них из праха —
через Волгу на Сиваш.

1966

1

Как сегодня над степью донецкой
Снова свист-пересвист молодецкий.

Голосят трубачи по излогам,
Завивается пыль по дорогам.

А по ним, да во мгле полуденной, —
То ли старый Богун, то ль Буденный,

То ли вижу — с холма непростого
Замаячил дозор Годунова.

Завивается пыль по дорогам,
Голосят трубачи по излогам.

Только стяги, да ветер, да слава —
Красногривая стелется лава.

2

Ах, не верьте баюну-поэту!
Ничего здесь военного нету.

Это просто над степью донецкой
Свистнул север в кулак молодецкий —

И в степи через все перегоны
Поскакали его эскадроны.

Только вовсе не конские лавы,
А степные горючие травы.

Засвистали в рысучей погоне,
Заплясали, как рыжие кони.

Эй-го-гей! Запылали осины,
Как червленые стяги дружины.

3

Завивается пыль по дорогам,
Голосят трубачи по излогам.

Это, Осень, твои эскадроны.
А в степи, как холмы, — терриконы.

То не всадники древней разводки,
То взбираются вверх вагонетки.

Только пусть, для высокого слова,
Это будет дозор Годунова.

Ибо лучше, ребята, для песни,
Если правда и выдумка вместе.

И пускай, да на всем перегоне, —
Только песни, да стяги, да кони.

Эй-го-гей! Перекатное Поле!
Гулевая осенняя воля!

И чрез все рубежи и заставы
Маханули гривастые травы.

И пымятся холмы насыпные.

За церковкой старинной,
За насыпью крутой
Играет пастушонок
На дудочке весной.

А там, на самой круче, —
Гляди со всех дорог, —
Стоит такой занятный
Музейный городок:

Сосновый да шатровый,
Посадский да княжий.
И все его соборы —
Над гривною лесной.

А впрочем — тут ни царских,
Ни княжеских палат,
И только с красных звонниц
Бубенчики звенят.

И я гуда поближе,
Повыше поднимусь:
Эгей, моя тверская
Да суздальская Русь!

Пусть верю я в железо,
И в камень, и в стекло,
Но прежде верю в слово,
Что на сердце легло,

А больше — в эту землю,
Живую, как свирель...
Ах, город, ты мой город,
Серебряная трель!

Пусть ты весь шатровый
Посадский да княжий,
Да что же я при этом
Поделаю с собой?

А впрочем — тут ни царских,
Ни княжеских палат...
И только в этой песне
Бубенчики звенят.

1968

А теперь у нас уже светает

До зари:

Петухи кричат, собаки лают...

Говори.

И проснулась ты, встряхнула косы

Поскорей,

А кругом — покосы, ой, покосы.

Эй!

И пройдет пастух и громко свистнет

У двора.

И вскочила ты и что-то в мысли

Назвала.

А земля чуть брезжит, уплывает

В снть туман.

Скоро в рог пастуший заиграет

Дед Роман.

Завывают в рупор, как матросы,

Петухи.

Разбрехались, знаю, псы-барбосы

С чепухи.

И пройдет рассвет и громко свистнет

У ворот.

И рука твоя на коромысло

Зацветет.

А вдали на тучке зацветают

Свегрии...

Петухи кричат, собаки лают...

Говори...

1967

ЧТО ЗА КУПЧИКИ ПРОЕЗЖАЛИ...

Что за купчики проезжали!
Что за путь, не спеша, держали, —
Из Москвы, говорят, да в Питер,
Через волховские края!
Сколько раз на возах сидели!
Сколько раз у костров храпели!..
И к чему-то теперь все это
Повторяет песня моя...

Что за кони в запряжке были!
Что за воду из речек пили!..
Эй, скорей, гусяры, за струны!
Да совместно ударим в лад:
А подводы, мол, — вот такие:
Все оглобельки — золотые!
А товары — парча да соболь,
А купчишки — сермяжный брат.

Заезжали они в харчевни,
Испивали кваску в деревне
И опять говорили: «Трогай!»
Да и снова — пошли, пошли..
Да и мы-то всюду ударим,
Да покруче напел заварим:
Что за купчики, мол, ребята!
Что за бороды! Короли!

Проезжали они — такие,
Проезжали они — сякие.

Да по вотчинам тем посадским,
Да по громким тем слободам!
И с высоких возов смотрели,
Как за Псковом леса горели, —
А уж пели-то хлопцы, пели!
Хорошо б так теперь и нам.

Заводили они рассказы
Про хозяйские про лобазы...
Эй, гармонии сюда, ребята!
Проверяй, гармонист, лады!
То не купчики удалые,
То извозчички молодые,
Знаменитые балагуры,
Дорогие мои деды.

Что за кони в запряжке были!
Что за воду из речек пили!
А в лесах-то кричала сойка,
А в домах-то цвела герань.
И собирали мои «купчишки»,
Кроме денежной мелочишки,
То ли присказку, то ли сказку,
То ли песенку, то ли брань...

Ах вы, чуды мои причуды —
Эти гусельки-самогуды,
Да касатка моя — трехрядка,
Да поддужные соловьи!
Эй вы, «купчики» удалые,
Дедовья вы мои честные!
Ой, спасибо вам за раздолье
Этой песенной колеси.

Хорошо там у вас, в замостье,
Постоять на глухом погосте
И с кустом бузины дремучей
Погрузиться в покой времен!
И услышу я голос крови.
И пройдет он, как ветер, в слове;
И проснется в моей дремоте
Тот забытый вечерний звон...

Что за купчики проезжали!
Что за путь не спеша держали —
Из Москвы, говорят, да в Питер,
 Через волховские края!
Сколько раз на возах сидели!
Сколько раз у костров хранили!..
И про это мое сказанье,
 И про это песня моя.

1968

А на улице снег, а на улице снег,
А на улице снег, снег.
Сколько вижу там крыш, сколько вижу там снег,
Запорошенных крыш, снег!

А в скиту моем глушь, а в скиту моем тишь,
А в скиту моем глушь, тишь.
Только шорох страниц да запечная мышь,
Осторожная мышь, мышь.

А за окнами скрип, а за окнами бег,
А пад срубам — снег, снег...
Сколько всяких там гор! Сколько всяких там рек!
А пад ними всё — снег, снег...

Затопляется печь. Приближается ночь.
И смешаются — печь, ночь.
А в душе моей свет. А вразъ мой — прочь.
И тоска моя — прочь, прочь.

Загорается дух. Занимается дых.
(А на улице — снег, снег.)
Только шорох страниц. Да свечи этой вспых.
(А за окнами — снег, снег.)

А в кости моей — хруст. А на жердочке — дрозд.
Ах, по жердочкам — дрозд, дрозд.
И слова мои — в рост. И страда моя — в рост.
И цветы мои — в рост, в рост.

А за окнами — снег. А за окнами — снег.

А за окнами — снег, снег.

Из-за тысячи гор. Из-за тысячи рек.

Заколдованный снег, снег...

1968

Душа моя бьется в каких-то силках непонятных,
 И дух мой — рванется, а крылья висят, как мочалки...
 Гремят надо мною эскадры громов перекатных,
 А сокол сидит, и над ним насмеваются галки.

Пусть тело мое догоняет вселенские светы,
 Пусть руки мои над мирами владычат, как боги,
 Но песни мои и вполголоса, может, не спеты,
 А мысли мои — точно куры в пыли у дороги.

И что это значит? Скажи мне, веселый ровесник,
 Открывший великую мудрость приборов и чисел!
 И как я достигну пророческих тех поднебесий,
 Чтоб духом прозреть и над миром свой голос возвысить?

И снова с мольбой припадаю к подножью гомеров
 И даже не верю, что были такие на свете;
 И снова стучу в барабанчик, зову пионеров:
 Растите смелее! И будьте пророками, дети!

Чтоб сердце вот так не томилось в силках непонятных,
 Чтоб разум вот так не пуждался в ребячьей шпаргалке...
 Гремят надо мною эскадры громов перекатных,
 А сокол сидит, и над ним насмеваются галки.

1962

Сеял рожь на счастье кто-то,
Сеял рожь.

Уродилась у кого-то
Лебеда.

У кого-то, у кого-то
Дегтем вымажут ворота —
И от жизни у кого-то —
Ни следа.

Что за сына ты растила,
Что за сын!
Да пропал он где-то в прорве —
На войне.

Прожила бы ты со славой,
Да подвел сосед лукавый —
И засохла ты в далекой
Стороне...

Знал я угол заповедный —
Дом отцов.
А теперь вот — только песня
Да иснуг.

И на холмики пустые
Смотрят звездочки ночные,
А на древе — только дятел:
Тук да тук!

Запою ли про удачу,
Засвищу:
Что за воля в чистом поле, —
На коня!

Оглинусь да вскину руки, —
А кругом — всё те же стуки...
Это — полночь или крышка
Для меня?

А по древу тот же дятел —
Тук да тук!
Точно сторож в колотушку:
Дескать, что ж!
У кого-то, у кого-то
Иначе вымажут ворота...
А уж ты-то, мол, приятель...
Проживешь!

1968

У МЕНЯ К ТЕБЕ...

У меня к тебе да все тот же спрос,
Да все тот же спрос — на ячмень, овес:

Чтобы всё у нас было в целости
И всегда, всегда — в самой спелости.

А всему тому да поможет бог...
Испеки, жена, мне ржаной пирог,

Да пораньше съесть тот пирог вели,
Да ко всем чертям дураков пошли.

У кого-то там — только хвост трубой,
А у нас с тобой — городьба с резьбой.

У иной межи — с перепоя спят,
А у нас во ржи — за рулем сидят.

А у нас горох — да на сто дорог...
Испеки, жена, мне ржаной пирог:

Чтобы тот пирог засопел в печи,
Чтобы стал я — во! — города мечи!

А у нас с тобой да все тот же спрос,
Да все тот же спрос — на ячмень, овес:

Чтобы всё у нас было в целости
И всегда, всегда — в самой спелости.

Аминь!

* * *

Доброе дело крепко,
Доброе дело — навек.
Добрым горбом не кайся,
Доброй стезей не кори.

Доброе все переможет,
Доброе все перетрет...
Добрый урок народа
Не забывай, мой сын.

1968

Завивалась пыль из-под крыла,
Из-под злого крылышка пыльного.
Только вдруг — речонка протекла
Из-под камня, камушка старинного.

Заиграл, забулькал журчѐк
И скорей — до встречного фарватера,
А в пути я сам ему помог
Заводною силой экскаватора...

Зарастал травой забытый скит,
Да хрустели корни под коровою.
А теперь тут выселок стоит —
Деревенька новая, сосновая...

Ах, давно все было... Так давно!
Даже сердцу трудно вспоминается...
И не к сыну ль прямо на гумно
Днесь родитель блудный возвращается?

Старый прах давно перегорел —
Где-то там, за просекой невнятной...
Здравствуй, жизнь, неведомый предел,
Да и ты, речонка перекатная!

Зарастешь и ты, как будет срок,
Зашумишь гривастою осокою...
А пока — за дальний тот порог
Уноси ты грусть мою глубокую.

По овражкам дальним, по глухим,
Через дни и годы неизвестные...
И пускай над криком над моим
Засмеются кустики древесные.

1968

А ХМЕЛИНУШКА ВЬЕТСЯ..

А хмелинушка вьется, хмелинушка вьется,
А за тыном кому-то все так же поется,
Да у тех же кустов, да про ту же рябину,
А рябина все так же склоняется к тыну.

Зацветает за хатой цветистая гречка,
А девчонка стоит у родного крылечка.
А хмелинушка вьется, хмелинушка вьется,
А девчонка смеется, как прежде смеется.

Завивается хмель у куста, у пенёчка,
А на сердце моем распускается почка,
А из почки сквозит огонек этой песни...
Позабывтое счастье! Воскреси, воскресни...

1968

Пропадаю в лугах заречных,
У проселков сижу один.
Провожая улыбкой встречных
И смотрю на кусты рябин.

И всему говорю: «Спасибо», —
Хороша ты, мол, свет-земля..
И склошусь к травяным изгибам,
Идохну в закуток шмеля.

А вдали, как предел конечный,
Задымится курной овиш..
Подкидаю извозов Млечных,
У проселков сижу один.

1968

ГОРЫ СТОЯТ...

Горы стоят, как виденья столетий.
Скалы да перья орлиных поветий.
Скалы да грозы со снежных престолов.
Горы стоят, как виденья столетий.

Где-то вон там, поднимаясь, как мифы,
Грозно клекочут железные грифы.
Древние кости истлели в провалах...
Горы стоят, как виденья столетий.

Где-то вон там, под крылом Азраила,
Черную трубку Земля закурила,
Черной пургой замело кипарисы...
Горы стоят, как виденья столетий.

Горы стоят, как виденья столетий,
Скалы да гул преисподнего тола...
Знаю — вон там, среди снежных поветий,
Ждут сотворенья иного Глагола.

1968

У той скрипучей половицы...

У той скрипучей половицы,
У заповедного угла,
Цвели, как птицы, небылицы,
Что бабка сивая плела.

И где-то в недрах, точно воды,
Звучало Слово под жильем.
И все грядущие народы
Рождались в облике своем.

И вслед за прялкой рогатой
Куда нас только не вело!
И наши древние ухваты
Хранили печку и тепло.

И только вьюга-завирушка
Всю ночь гуляла по селу.
А мы за свежешою ватрушкой
Сидели прямо на полу.

*

И вот, в порядке назиданья
И для утеша вот такой,
И я хранию своя преданья
В своей укладке потайной.

И по известному порядку
Приходит час и для меня,
Когда за эту вот укладку
И я присяду у огня.

Проходят годы и столетья,
А вслед за родом сходит род.
И над заросшею повестью
Лесная иволга поет.

И вот для кроткого внимастья
И для вечернего тепла
Они текут — моя сказанья —
У заповедного угла.

1969

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Банников. У заповедных истоков . . .	3
«Я уйду за красные туманы...»	11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗБА И ПОЛЕ

1943 — 1959

«Засмеялась калина, краснея счастливо...» . . .	15
«Хаты в житных щитах, как навозчики в рыжках ту- луках...»	16
«Приехать с дружного покоса...»	17
Хозяин	18
«Если синий-синий свет и зори...»	20
«Проселок, дождиком примоченный...»	22
«За поемный терповник, пустившийся в рост...» . . .	23
«Уже сданы клинки и ружья...»	25
«Легко ругнуть неприхотливость друга...»	26
Распутица	27
Снег	28
«Под говор ложанки вадремнул ввечеру...»	30
«Лозянком, да выгоном, да лугом...»	31
«Пожалею забытую зорьку мою...»	33
«Дай мне, земля, в эти громкие годы...»	34
«Я зову тебя своей...»	35
«На дворе раскричался петух...»	37
Летела гагара...	38
«Не ходил я речником на Кострому...»	40
Анчи	41
Дорога	43
«За спине своды...»	44

«Улетели грачьи стаи...»	46
«Не вдыхал, не грустил, не бродил...»	47
«Я не зря топором по стропплам стучал...»	49
«Не весна ль тому виновница...»	50
«На груди твоей желтые руки...»	52
«Я уходил в леса такие...»	54
Песнь о зимнем очаге	55
Дело было летом...	56
Желание	59
Белая ночь	60
«Я на море смотрю — и светлеет оно...»	62
«Жили, как дети, и пели, как дети...»	63
Дожди	64
Песня о безногом солдате	65
«Мне говорят, что я в опасности...»	67
Рожь	69
«Лесная жалейка, знакомые звуки...»	71
Пижма	72
«Унесут меня в бесконечность...»	74
За морошкой, за черпикой...	76
Кострома	78
«Хорошо, ребята, быть поэтом...»	79
«Темнеет кровь. Идут года...»	80
«Все-то хочется, не расхочется...»	81
Дядя пьет венгерский ром...	83
Исцеление Муромца	85
Лось	87
«Пришла и сказала: прощай...»	88
Качели, качели...	89
«Никогда я бродить не устану...»	91
Завещание	92

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗЕМЛЯ И НЕБО

1960 — 1969

«Ивняковый, травяной, долинный...»	95
«Припадаю к темным норам...»	97
«Хорошо, когда забродит холод...»	98
Пробуждение	100
Коряжема	102
«Бабочка белая! Бабочка белая!...»	104

Две элегии	105
«К беде или к счастью — не знаю...»	103
«Хорошо здесь одному побыть...»	110
«Забросав деревню шишками...»	111
Лесные загровки...	112
Море	113
Аргипи	115
«Уже не густы листопады...»	116
Столько вьюг прошумело...	118
«Истопил камелек. Хорошо!..»	120
Чайная, чайная...	121
«От всех скорбей и дум печальных...»	124
«А это всегда я имею в виду...»	125
«И вновь кладбище. Сосны и трава...»	126
В долинах пестрели...	127
Я вышел оттуда...	129
Рыбка прыгает...	130
Молодия высотных пустынь	132
«Люблю и слушать голоса земли...»	134
У реки, у леска...	135
Савелий Нижемский	137
И вот я каждому скажу...	140
Майская песенка	142
«Какие ветры прощумели!..»	144
«У меня давно уж сбиты руки...»	146
Сны	147
Про тулуп	149
«Я принадлежал к началам рек...»	150
Скрип моей колыбели	152
Серебрятся пруды	154
Песня о деревне Белавенки	156
«Виноградие да зеленое...»	159
«Да, я знавал тебя такою...»	161
Лето 1945-го	162
«Что с того, что жизни мало...»	164
«Где-то есть космодромы...»	165
«Лукавый Змий! И ты вкушаешь сдобники...»	167
Радиолы	168
Кто с нами?	169
Посиделки	170
«Забывтые веки, заглохшие дали...»	172
«За пылью ханского набега...»	174
Стихи о Гришке Отрешеве	176

За поля яровые	178
«Мой отец играл на мандолине...»	181
«Ходит ветер в чистом поле...»	183
Дума	184
Снится мне утро	186
«Докосили всю рожь. И свезли яровое...»	188
Хоровод	189
«А жизнь прошла. Закончены ристанья»	192
«Комарики-мухи...»	193
«Всё лужи да ямки родничковые...»	195
Песня	196
Как сегодня над степью донецкой...	198
«За церковкой старинной...»	200
«А теперь у нас уже светает...»	202
Что за кустики проезжали...	203
А на улице снег...	206
«Душа моя бьется в каких-то силках непонятных...»	208
Селл рожь на счастье кто-то...	209
У меня к тебе...	211
«Доброе дело крепко...»	212
«Завивалась пыль из-под крыла...»	213
А хмельнушка вьется...	215
«Пропадаю в лугах заречных...»	216
Горы стоят...	217
У той скрипучей половицы...	218

Николай Иванович

Тряпкин

ЗЛАТОУСТ

Редактор *Т. Аверьянова*

Художественный редактор
А. Цветков

Технический редактор
Ф. Артемьева

Корректоры *В. Фадеева* и *Л. Фильцер*

Сдано в набор 30/IV 1970 г. Под-
писано к печати 18/XII 1970 г.
А 10056. Бумага типогр М 1. 84 ×
×108^{1/2}, 7 печ. л, 11,76 усл. печ. л.
6,39 уч.-изд. л+1 вкл.-6,44 л. Ти-
раж 25 000. Заказ № 201.
Цена 67 коп.

Издательство

«Художественная литература»
Москва, Б-68, Ново-Басманная, 19

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа
Государственного комитета
Совета Министров БССР по печати
Минск, Красная, 23